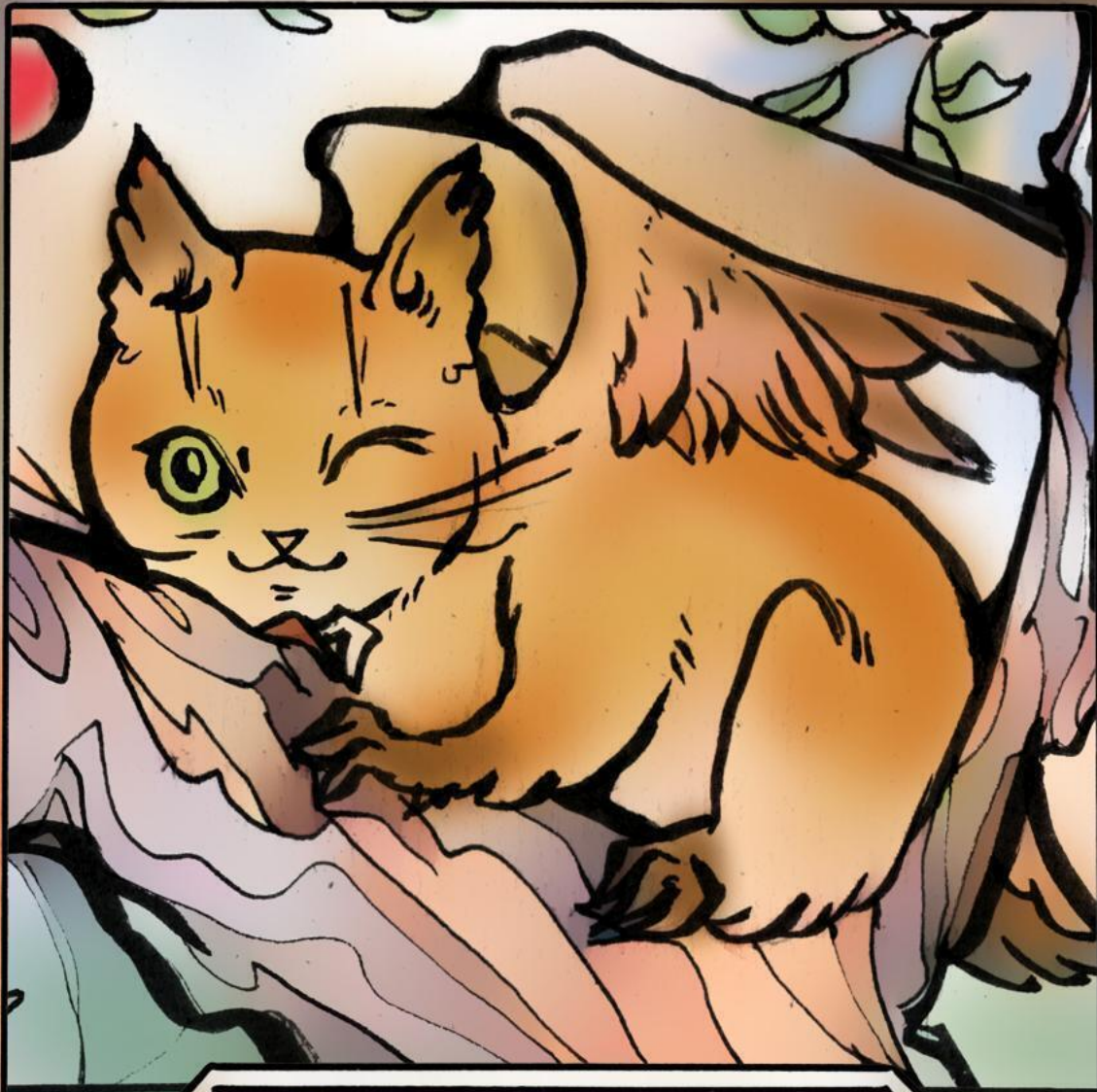

ЧУДЕСА ДИВНОЗЕРЬЯ

АЛАН ЧАРВИТ

Дивнозёрье

Алан Чароит

Чудеса Дивнозёрья

«Автор»

2022

Чароит А.

Чудеса Дивнозёрья / А. Чароит — «Автор»,
2022 — (Дивнозёрье)

Сборник сказочных историй. Дивнозёрье — самая обычная деревня в российской глубинке, но это только на первый взгляд. Юной ведьмочке Тайке и её волшебным друзьям — домовому Никифору и котосовушку по кличке Пушок — каждый день приходится сталкиваться с чудесами. Кто ещё защитит простых жителей от кикиморы-раздорки? Кому по силам справиться с барахляшкой, который прячет потерянные вещи? Кто найдёт ключ от ворот зимы и проследит, чтобы весна наступила в срок? У Тайки хватает забот, но она уверена: любые трудности можно преодолеть, когда рядом друзья.

© Чароит А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Весна	5
Весна, ну настань уже!	5
Гуси-оборотни возвращаются	11
Перо жар-птицы	17
Коловершы свершения	22
Лето	31
Чужак в Дивнозёрье	31
Семена раздора	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Алан Чароит

Чудеса Дивнозёрья

Сборник рассказов

Весна

Весна, ну настань уже!

За окном опять шёл снег – и это в апреле! Тайка со вздохом оторвалась от учебников. Ей так хотелось погулять сегодня – и на тебе, метель...

В приоткрытую форточку протиснулся Пушок – мокрый, со слипшимися перьями.

– Бр-р-р, – сказал он вместо приветствия и встряхнулся.

Капли упали на страницы, и Тайка отодвинула книгу.

– Эй, осторожнее.

– Тая, там светопреставление какое-то. Я замёрз, как в январе!

– Может, чаю горячего? – она потянулась было к чайнику, но коловерша замотал головой.

– Потом. Там твоя помощь нужна. У кормушки птица лежит, совсем замёрзла, бедняга.

Тайка выскочила наружу в одних тапочках, даже пуховый платок накинуть не успела. Ещё зимой они повесили у крыльца кормушку, чтобы помочь птицам перезимовать. Обычно туда прилетали воробьи, синички да снегири, иногда заглядывал коростель, но сегодняшняя гостья была особенной. У птички, о которой говорил коловерша, было рыже-золотое искрящееся оперение. Красивое – глаз не оторвать! И Тайка прежде уже такое видела.

– Пушок, это же осеничка, приносящая осень! Что-то не в срок прилетела пташка... – Тайка подняла из снега обмякшее тельце.

Ей показалось, что птичка мертва, но та вдруг открыла глаза. С облегчением выдохнув, Тайка поспешила в дом.

Она нашла коробку, поставила её возле печки и положила птицу внутрь. А то очнётся, начнёт метаться, повредит крылья.

– Звони тётке Тане, – Пушок навис над коробкой, разглядывая яркую, как осенний лист, гостью. – Тут без ветеринара не обойтись.

– Не думаю, что тётя Таня поможет. Это же необычная птица, не из нашего мира. Погоди, я лучше попробую заклятие, – Тайка сложила ладони лодочкой. – У Яромира подсмотрела. Он мне так синяки лечил.

Она прошептала несколько слов на дивьем языке, надеясь, что всё произнесла правильно. Ладони наполнились теплом, она осторожно коснулась тщедушного тельца, и птичка закрыла клюв, подняла головку. Дыхание восстановилось, распластанные крылья подобрались.

– Пить, – чирикнула она.

Тайка, кивнув, быстро наполнила блюдечко.

– Спасибо, ведьма, – просвистела гостья, утолив жажду.

– Ты меня помнишь?

– Конечно. Мы же уже встречались осенью. Я к тебе и летела, чтобы о помощи попросить. Да, вишь, не долетела. Очень уж злая метель нынче...

– Теперь всё будет хорошо, – улыбнулась Тайка. – Пушок тебя вовремя нашёл. Ну, рассказывай, что случилось?

– А он разве не съесть меня собирался? – птичка с опаской покосилась на коловершу.

Пушок фыркнул от возмущения, а Тайка поспешила успокоить гостью:

– Ты что! Нет, конечно! Коловерши не едят птиц.

– Уф, тогда прошу прощения. Я ужасно испугалась... Меня зовут Ляна. В этом году меня избрали вестницей весны. Но я потеряла ключик, и теперь весна никогда не настанет, летняя нечисть не проснётся, перелётные птицы не вернуться, а вместо лета придёт зима. Это всё моя вина, – птичка чуть не плакала.

– Ну ты и растеряша! – ахнул Пушок, а Тайка замотала головой.

– погоди, я ничегошеньки не поняла. Что значит – «вестница весны»?

Пришлось Ляне пояснять:

– Каждый год птицы приносят весну на крыльях. Но самое важное задание достается той, что прилетит самой первой. Она должна принести ключ, чтобы отпереть весне дорогу. Нынче эта честь досталась мне, но я... – птичка всхлинула. – Я потеряла ключ, ведьма.

– погоди, но ты же осеничка!

– И что? – Ляна глянула с вызовом. – Мало ли, кем ты родился! То, чем ты хочешь заниматься, – гораздо важнее. А я с самого детства хотела хоть разок впустить в мир весну. Ты хоть знаешь, сколько я готовилась? Сколько усилий приложила, чтобы меня наконец выбрали! И теперь всё насмарку... может, и впрямь не стоило бороться?

– Конечно, стоило! – Тайка скинула тапочки, быстро натянула резиновые сапоги и куртку. – Рассказывай, где ты потеряла ключ?

– У истоков Жуть-реки, – Ляна потупила взор. – На самой границе болот.

– Ага! Пожалуй, я знаю, кто мог его найти и присвоить. Есть тут у нас один тип. Очень любит всякие блестяшки.

– Да, это наверняка Мокша! – Пушок захлопал крыльями. – Тая, я с тобой! А за ней, – он кивнул на птичку, – пускай Никифор присмотрит.

Ляна, конечно, пыталась протестовать, но Тайка поддержала коловершу:

– Тебе лучше будет пока остаться здесь. Ты ещё слишком слаба для путешествий. Вот увидишь, мы быстро управимся. Считай, похититель уже найден!

Добираться пришлось долго: от снега с дождём дороги развезло, и Тайка порадовалась, что надела резиновые сапоги, – в кроссовках она точно утонула бы. Вдобавок оказалось, что Жуть-река разлилась, и там, где раньше можно было просто перескочить на другой берег, пришлось переходить по скользким брёвнам.

– Ну и грязюка, – ворчал Пушок. – Дурацкое время года.

– Да брось! – Тайка улыбнулась. – Не бывает плохой погоды, каждой – своё время. Холода уже поднадоели. Зато представь: скоро всё подсохнет, зацветут деревья...

– Это если мы найдём ключ. А вдруг нет?

– Не каркай! – Тайка щёлкнула коловершу по носу.

И словно нарочно за спиной раздался хриплый и насмешливый вороний гай.

– Плохая примета, – занял коловерша.

Тайка обернулась: на деревце, что росло на берегу, и впрямь сидела ворона.

– Бр-р-р! Не ходи на болота! Пр-ропадёшь! – вещала она.

Пушок тихо пискнул:

– Вот, я же говорил.

– Вы, гражданка ворона, нас не запугивайте, – нахмурилась Тайка. – Мы не первый раз на болота идём. Нечего тут панику наводить.

– Дур-рочка, – ворона почистила клюв о ветку. – Я пр-р-росто пре-редупреждаю, что...

И тут Пушок сорвался с Тайкиного плеча. Она и оглянуться не успела, а коловерша уже налетел на насмешницу, выставив вперёд когти:

– Никто не смеет мою любимую ведьму дурочкой называть!

– Кар-р-раул! – завопила ворона, заголошнo взмахнув крыльями.

Миг – и она уже скрылась в соседнем лесочке, а гордый Пушок вернулся на Тайкино плечо, дыхнул на когти и почистил их о шерсть.

– Вот так-то! Знай наших!

– А тебе не кажется, что она хотела нас предостеречь? – Тайка в задумчивости закусилa кончик косы.

– Ой, ерунда! Будто не знаешь: вороны те ещё паникёры. Как я ей, а? Скажи, что я молодец!

– Молодец, – она не стала спорить. Помнила, что Пушок ворон не любит. Не так, как собак, но всё же. Они вечно конкурировали за ягоды и прочие вкусняшки. – Ладно, идём дальше. Нужно вытрясти из Мокши ключ от весны, пока этот барахольщик не засунул его в дальний угол.

Чем дальше они забирались в болота, тем больше Тайка думала: а вдруг ворона была права? Разлилась не только река. Под ногами хлюпало, сапоги скользили по припорошенным снегом кочкам – того и гляди ухнешь в какой-нибудь бочажок и поминай как звали. Спасибо, Пушок слетал, принёс палку. Идти сразу стало легче, но в какой-то момент тропка просто закончилась. Кругом была вода, и редкие деревья стояли в ней по пояс, словно безмолвные стражи болот.

– Кажись, приплыли, – Тайка вздохнула.

Коловерша огляделся и сник.

– Что же теперь делать?

– Назад поворачивать. Не зря ворона каркала. Без лодки тут не обойтись.

Пушок немного потоптался на её плече, будто переминаясь в нерешительности, и вдруг заявил:

– Давай я летаю. Мне вода не помеха. Только скажи, как выкликать гада?

– Ой, спасибо! Нужно вон до того островка долететь. И зови Мокшу уважительно. Его титул – «царь болот». Ну или «хозяин волшебства» – не знаю, какой ему сейчас больше нравится.

Внимательно выслушав Тайкины объяснения, коловерша взмыл в небо, пару раз сделал сальто, явно рисуясь:

– Супергерой Пушок спешит на помощь!

Вскоре над болотом раздались угрожающие вопли:

– Эй, царь болот! А ну влачи сюда своё жалкое существование! Давай, морда чешуйчатая, хозяин волшебства-шмолшебства! Отдавай, что спёр! А не то мы с ведьмой тебя арестуем!

Тайка закатилa глаза: нет, он её слушал вообще?

Вода всколыхнулась, в воздухе запахло тиной и проблемами. Прямо перед ней вдруг вынырнула лупоглазая башка, но это был не Мокша, а девчонка-болотнянка. Может, та же, с которой они уже встречались, а может, другая – признаться, Тайка пока не очень отличала болотных жителей друг от друга.

– Тс-с, – болотнянка приложила перепончатый жабий пальчик к губам. – Не орите. Уйми своего приятеля, ведьма.

– А то что? – Тайка с вызовом сплела руки на груди, и девчонка на всякий случай отплыла подальше.

– А то Мокша проснётся!

– Ну, мы того и добиваемся. Хотим с ним поболтать. Говорят, он нашёл кое-что, но это ему не принадлежит. Так что пускай возвращает, – Тайка старалась говорить строго.

Болотнянка, выбравшись на плавающее в воде брёвнышко, со вздохом покачала головой:

– Ты ошибаешься, ведьма. Не мог наш царь у тебя ничего взять. Спит он. Как осенью залёг, захрапел – так и не просыпался. Он холода не любит. А ежели разбудишь его сейчас, он тебя точно утопит. Знаешь, какой злой спросонья?

А коловерша тем временем продолжал орать:

– Эй, жабья душонка! Боишься нас, да? Правильно боишься! Ну где этот скользкий тип коварной наружности?

– Пушок, помолчи пока, – прикрикнула Тайка. – Кажется, у нашего подозреваемого есть алиби.

Коловерша послушался, вернулся, а выслушав болотнянку, скривился:

– А вдруг она врёт, Тая?

– Не вру! – девчонка от негодования фыркнула, обдав Тайку брызгами. Её плавники топорщились в стороны, бурые с прозеленью волосы развевались на ветру. – Царь Мокша никогда раньше подданных не просыпается. А сейчас ещё даже лягухи дрыхнут.

– А ты чего не спишь? – Тайка с подозрением прищурилась. – Признайся, может, это ты наш ключик взяла?

– Ничего я не брала! – обиделась болотнянка. – Вот не сойти мне с этого места, ежели обманываю.

М-да, такими клятвами обычно не бросаются. Похоже, они и впрямь пошли по ложному следу...

– Ладно, прости, – Тайка развернулась, чтобы уйти, и уже в спину ей донеслось:

– Порасспрашивай птиц, ведьма. Слыхала я, вчерась тут вороны да галки шумели. Может, они что-то знают. Я-то всю зиму не спала. Нарочно не ложилась, хотела одна побыть. И чтобы никто не указывал, что делать. Понимаешь?

О, да, Тайка понимала.

– Спасибо, – она поклонилась болотнянке. – Ты уж не говори Мокше, что мы приходили, ладно?

– Я себе не враг, – улынулась та и – плюх – исчезла под кочкой.

А Тайка решительно зашагала назад, опираясь на палку.

– Что ты теперь собираешься делать? – поинтересовался Пушок.

– Как что? Конечно, искать ту ворону. Она явно хотела нам что-то сказать, пока ты её не прогнал.

– Ну вот, опять я виноват! – надулся коловерша. – Сама теперь с вороной болтай, а я – не буду.

Тайка не стала говорить, что вообще-то хотела попросить Пушка ровно о том же.

Когда они вернулись к истокам реки, вороны нигде не было видно. Пришлось покликать:

– Эй! Госпожа ворона, вы здесь? Простите, что в прошлый раз обошлись с вами грубо. Мы хотели бы задать вам пару вопросов, – говоря это, Тайка чувствовала себя как какой-нибудь детектив из фильма про полицейских. Наверное, это всё влияние Пушка.

К счастью, ворона оказалась не из обидчивых, выпрыгнула на камешек, глянула насмешливо:

– Вер-р-нулась, дур-р-рочка? Ср-р-разу бы послушала, и никуда ходить бы не пр-р-ришлось.

– Вы знаете, что мы ищем? – ахнула Тайка.

– Р-разумеется. Золотой ключик р-разыскиваешь, ведьма? Я пр-р-рава?

– Да. Но... как вы догадались?

– Видела я его, – каркнула ворона. – В клюве уже дер-р-ржала. Но галки меня отвлекли. Р-раз, и умыкнули др-р-рагоценность пр-р-рямо из-под носа. Так пусть ни мне, ни им не достаётся. Р-расскажу тебе, где их гнездо. А в нагр-р-раду...

– Ключ не отдам, и не проси, – перебила Тайка. – Он очень важный, без него весна не настанет.

– Да я уж сообр-разила, – вздохнула ворона. – В общем, с тебя твор-р-рожок за информацию.

– Будет тебе творожок. Выкладывай, что знаешь.

Пушок неодобрительно покачал головой, но вмешиваться не стал, а ворона проскрипела:

– Иди к излучине р-реки. Там, в бояр-р-рышнике, найдёшь их тайник. Но будь осторожна, эти р-разбойницы клюются больно.

Тайка со всех ног помчалась в указанное место. Коловерша летел впереди и ныл:

– Ну теперь-то позволишь мне вести переговоры? У меня бы – ух! Никаких творожков никому! Ишь, какое расточительство!

В кустах боярышника было тихо. Оглядевшись, Тайка заметила старое, ещё прошлогоднее гнездо, но оно было высоко над головой.

– Пушок, проверь, – шепнула она, и коловерша с готовностью взмыл вверх.

Некоторое время сверху слышались шорох, возня и треск веток, а потом вдруг Пушок завопил:

– Нашёл!

Он спорхнул вниз, в его лапах сиял золотой ключик.

Вот это да! Всегда бы дела так просто делались!

Они уже собрались уходить, когда в спину им донеслось отчаянное:

– Постойте! Это нечестно!

Им преградил путь взъерошенный галчонок. Странно, откуда такой маленький? Ведь птенцы прошлого года уже выросли, а новые ещё не успели народиться.

– Вот именно! – Тайка на всякий случай сунула ключик в карман и молнию застегнула, чтобы точно не вытащили. – Нельзя брать чужое!

– Я и не брал, – обиделся галчонок. – Ключик Ляна спёрла!

Так, а вот это уже было интересно...

– погоди, но она сказала, что в этом году её выбрали вестницей весны? Стало быть, ей и врата открывать, нет?

– У нас было соревнование, – надулся галчонок. – Я должен был прийти первым, но эта негодяйка меня отпихнула. А старый орёл-судья проспал и не заметил. Ты понимаешь, галки вообще никогда не отпирают весну. Мы же не перелётные. А я так об этом мечтал... вот и улетел с осеничками ещё в сентябре.

– Так ты поэтому не вырос, – догадалась Тайка. – Всю зиму в волшебной стране провёл.

– Да, я единственный из сородичей, кто побывал в Небесном Пределе. Это птичье царство, высоко в горах. Там зимуют все перелётные птицы, – взгляд галчонка стал мечтательным. – Видела бы ты, ведьма, какие там чудеса!

О, Тайка его очень понимала. Она ведь и сама мечтала о волшебной стране...

– А почему ты вернулся?

– Ну как же – здесь мой дом, – галчонок развёл крыльями. – Я хочу стать путешественником. Буду летать туда, но всегда должно быть место, куда хочешь вернуться. Разве не так?

Тайка кивнула. Надо же, этот маленький птенец был таким мудрым. Может, даже мудрее её самой. И, конечно, ему очень хотелось верить. Тайка почти была готова отдать ему ключ, но Пушок – спасибо ему большое – предложил более разумное решение:

– Думаю, тут нужна очная ставка. Эй, пернатый, готов встретиться с Ляной?

– Видеть её не желаю, – буркнул галчонок. – Но, судя по всему, придётся. Ты уж рассуди нас, ведьма. Только чтоб по справедливости!

Дома за чашкой чая их очная ставка очень быстро превратилась в настоящий птичий базар. Галчонок и осеничка бросались обвинениями, шикали друг на друга, даже пытались

выщипать перья. Как тут разберёшь, кто прав, кто виноват, когда есть только слово против слова и у каждого своя правда?

– Послушайте, – воскликнула она, прерывая бесполезный галдёж. – А вы не думали, что... ну, может, вы оба вестники? Знаете, так бывает, когда сразу двое занимают первое место в соревновании? Тогда говорят, что победила дружба.

– Но ключ-то оди-и-ин! – с сомнением протянула осеничка.

– И ворота весны тоже, – поддакнул галчонок.

– Ну и что? А откроете вы их вместе. Дверцы, небось, тяжёлые. И ключ выронить легко – вон Ляна уже его потеряла однажды. А вместе вы точно справитесь!

– А неплохая идея, – они сказали это хором, переглянувшись.

– Ты прямо как Орёл-судья, – галчонок запрыгал от радости.

– Тогда держите ключ, – улыбнулась Тайка. – Думаю, вы оба его заслужили. И нет ничего плохого в том, чтобы вершить важные дела вместе. Друзья всегда так делают.

Галчонок и осеничка взяли за ключ с двух сторон, немного потолкались, принаравливаясь, и – фр-р! – оба вылетели в окно.

Тайка проводила их взглядом, притянула к себе Пушка и улыбнулась:

– Уф, вроде разобрались. Эй, весна, ну давай, настань уже! Мы очень соскучились.

Гуси-оборотни возвращаются

– Тая, полундра! Гуси-лебеди опять прилетели наших девчонок воровать! Надо спрятать Алёнку, срочно! – Пушок ворвался в окно, чуть не оборвав занавеску.

Тайка от неожиданности аж половник уронила.

– Пушок, ну что ты опять придумал?

– Я не придумал, я их правда видел. Клянусь всем шоколадом этого мира! Две тётки прошлогодние. Как их там? Лина и Лида, во! У меня память хорошая, я их сразу узнал. В магазине столкнулись нос к носу – так они, представляешь, сделали вид, что меня не заметили. И давай в пуховых платках копаться.

– Так ты, наверное, опять обычным котом притворялся и у продавщицы еду клячил?

Судя по сконфуженной морде Пушка, Тайка не ошиблась.

– Пф! Подумаешь! – фыркнул он. – Я что ж, виноват, что сердобольным людям нравится котиков кормить? Тётя Надя как раз из таких, ей это удовольствие доставляет. Так что я со своей стороны протягиваю ей, так сказать, лапу помощи. Эх, Тая, ты мне зубы-то не заговаривай, это всё к делу отношения не имеет. Виллы опять прилетели – вот что важно!

Тайка со вздохом поправила крышку на бурлящей кастрюле. На всю кухню пахло почти готовым борщом.

– Я всё-таки думаю, ты обознался. Лида и Лина говорили, что никогда не возвращаются с зимовки через Дивнозёрье. У нас слишком холодно. Ты сам посмотри: разве это апрель? А виллы – очень теплолюбивые создания. Они же себе лапы отморозят, у них сапожек нет.

Найти сапожки на гусиную лапу действительно было сложновато. Виллы – а попросту говоря, девы-гусыни – могли принимать человеческий облик, но ноги у них всё равно оставались птичьими.

– Это раньше не летали, а теперь, вишь, распробовали. Говорю тебе – Алёнку надо предупредить!

– Отставить панику! – Тайка звякнула половником по кастрюле, чтобы придать бóльшую убедительность голосу. – Алёнка им отказала. А они второй раз не предлагают.

– Хм... а ведь и правда... – коловерша сел, почесал лапой за ухом, размышляя. Наконец его жёлтые глаза засияли. – Я понял, Тая! Они за другой девчонкой прилетели. Я ж, не будь дурак, решил проследить. И до-о-олго летал по их следам. Благо, отпечатки гусиных лап отыскать легче лёгкого. И знаешь, они сперва на нашей улице топтались – к соседской Танюшке, стало быть, присматривались. Потом к Людочке тоже заглянули. К какой? Да к баб-Ириной внучке. А дальше вообще в Ольховку полетели. И знаешь куда? К Сашеньке!

Сашеньку Тайка помнила смутно. Та училась в восьмом, но всё время болела, так что учителя ходили к ней домой. Кстати, Алёнка ведь тоже не отличалась крепким здоровьем, а гусынь очень заинтересовала. Неужели Пушок прав?

– Ладно, убедил. Давай проверим наших пернатых подружек. Где они сейчас могут быть?

– Да в магазине же.

– Тогда идём! – Тайка переставила суп, накинула куртку. – Если они уже ушли, пока ты туда-сюда летал, будем искать по следам.

– Только, умоляю тебя, без собак! – коловерша вздыбил шерсть на загривке. – Я сам по следам могу, как ищейка. Это только наше дело, Тая. Только ты да я. Лады?

Ну как тут поспоришь? Тайка кивнула:

– Веди, следопыт.

* * *

Им повезло: виллы оказались нерасторопны и всё это время провели в примерочной. Когда Тайка с Пушком вошли в магазин, младшая сестрица Лида как раз вертелась перед зеркалом, поправляя чёрные кудри. На ней был полосатый вязаный свитер, из-под которого торчало узорчатое платье виллы. Одно к другому катастрофически не шло, но Лине, кажется, нравилось. А вот продавщица тётя Надя, похоже, была не в восторге:

– Ишь, ходят тут. Всё меряют, ничего не покупают. Как бы не спёрли чего.

– Тётъ Надь, не беспокойтесь, – Тайка улыбнулась самой обезоруживающей из своих улыбок. – Я их знаю.

– И кто они?

– Да просто знакомые. Из другой страны прилетели. Иностранки.

– А по-нашему так складно говорят. – Выдохнув с облегчением, продавщица заметила Пушка. Тот и не думал скрываться, только крылья спрятал. Кот – и кот. – Кис-кис-кис, иди сюда, мой хороший. Я тебе рыбки припасла.

Что ж, продавщица отвлеклась. Уже неплохо.

Завидев Тайку, Лина – старшая сестра – всплеснула руками так, что серёжки-перья качнулись в ушах:

– Какие люди! Ведьма, ты ли это?

– А сама говорила, все смертные на одно лицо, – улыбнулась Тайка.

– Так и есть. Но я тебя по куртке узнала. Ты ж осенью тоже в ней была, – Лина сгребла её в охапку и обняла так, что косточки захрустели.

– Э-э-э... наверное. Какими судьбами к нам?

– Да-да, какими судьбами? – грозно добавил коловерша, оторвавшись от миски. Наверное, завидовал, что ему обнимашек не досталось.

– Да вот, сестра решила приодеться, – Лина сокрушённо цокнула языком. – Говорит, хочу кофточку, как у ведьмы. А такой тут и нетути. Мы уже всю лавку перетряхнули.

– Полосатую, что ли?

– Ага, – Лина шмыгнула носом. – Сколько меряю, всё не то.

– Хочешь, я тебе свою отдам? – Тайке было не жалко. Мама ей таких кофточек каждый год не по одной привозила.

– А можно? – У Лины загорелись тёмные, как вишни, глаза.

– Я бы не стала предлагать, если бы было нельзя. И вообще, чего мы тут стоим? Пойдём скорее к нам в гости чай пить.

Гусыни отказываться не стали: заготовили, обрадовались – всё это к превеликому неудовольствию Пушка.

Продавщица тётя Надя проводила их хмурым взглядом и пробурчала что-то невнятное.

– Кстати, а деньги-то у вас откуда? – запоздало поинтересовалась Тайка. – На что вы одежду покупать собирались?

На неё уставились две пары непонимающих глаз:

– Какие деньги? Мы думали, можно просто так взять...

– Что вы! Нельзя!

Виллы переглянулись и с виноватым видом начали выгребать из карманов носки, платки, заколки для волос.

Вот ведь... вроде не сороки, а туда же!

– Всё вернули?

– Кажись, всё... Странно у вас, у смертных, жизнь устроена. Совсем не то, что у нас.

– Ещё скажите, что в волшебной стране денег нет.

– Есть, но не у птичек. Га-га-га!

Ох уж эти птички! Закатив глаза, Тайка поскорее вывела гусынь из магазина, пока тётя Надя ничего лишнего не услышала и кражу не заметила. А то ещё участкового вызовет, с неё станет.

* * *

Они пили чай с плюшками, от которых даже Пушок немного подобрел. По крайней мере, перестал подозрительно коситься на гостей и пофыркивать.

Лида щеголяла в Тайкиной кофточке. Рукава ей оказались малость коротковаты, но она уверила, мол, это ничего, зато все браслетики будет видно.

– Ну спасибо, ведьма, удружила, – Лина шумно прихлёбывала горячий чай. – Никакого сладу нет с этой модницей. Жить бы мы остались в этой лавке, если бы не ты.

– Ой, да пустяки, – отмахнулась Тайка.

– Нет, не пустяки. В благодарность вот тебе подарочек. А ну-ка протяни руку.

Тайка протянула, и Лина ловко обвязала её левое запястье красно-белым нитяным браслетом с подвеской – маленьким колокольчиком.

– Милая штучка. Что это?

– А ты не знаешь? – гусыня гоготнула от изумления. – Это же мартеница.

Но Тайка всё ещё не понимала. Пришлось Лине объяснять:

– Оберег такой. У нас на юге весна раньше приходит, поэтому мы их в марте носим. А у вас и в апреле ещё снег может пойти. Так что вот тебе кусочек весны, ведьма. Носи на здоровье да на хороший урожайный год.

– Спасибо! – Тайка залюбовалась подарком. Мартеница ей очень понравилась.

– Только носить её надобно не всё время, – добавила Лина, – а пока не увидишь первое цветущее дерево. Тогда повяжи мартеницу на ветку и загадай желание. Вот увидишь, оно непременно сбудется.

Пушок в это время доел последнюю свою плюшку, под шумок стащил одну Тайкину, а потом начал толкать ведьму лапкой и делать знаки бровями.

– Чего тебе?

– Тая, ты забыла? Ну, для чего мы все сегодня собрались? Надо вывести этих гусей-оборотней на чистую воду.

А Тайка и правда забыла, во как заболтались. Да и не похожи были Лина с Лидой на злоумышленниц. Но спросить всё же стоило:

– А вы как, учениц себе всё ищете?

– Неужто Алёнка передумала? – Лида хлопнула в ладоши.

Пришлось её разочаровать:

– Нет-нет, теперь она моя ученица. Я вам её не отдам.

– Искали мы, – подтвердила старшая гусыня. – Да никого не нашли. Девчоночки у вас есть хорошие, только способностей к волшебству – ни у одной.

– Эй-эй! – коловерша погрозил им когтем. – Вы наших девчонок уводить и в гусынь превращать не вздумайте.

– Пушок, успокойся, – осадила его Тайка. – Тебе же ясно сказали: насильно никого не заберут.

Коловерша открыл пасть, чтобы возразить. Нет, он понимал, что Тайка права. Просто поспорить хотелось – с ним под настроение случается. Но Тайка сунула ему в зубы плюшку и оставила последнее слово за собой.

– Так. Значит, Танюшку не заберёте? – спросил Пушок у Лины, когда прожевал лакомство.

– Не-а.

– И Людочку?

– Не заберём.

– И Сашеньку?

– Да что ты прицепился как репей? Сказала же: нет. А будешь приставать, тебя украдём, понял?

– Меня нельзя красть! – ахнул коловерша и на всякий случай придвинулся поближе к Тайке. – У меня ведьма есть! И вообще, я – самец. Меня к вам не пустят.

– Да шучу, шучу, – усмехнулась Лина. – Уж больно ты забавный.

Тайка, хихикнув, потрепала Пушка по холке. Коловерша порой и впрямь увлекался. Упрётся – не переупрямишь. Ничего, рано или поздно смирится, что виллы – благие существа, хоть и гуси-оборотни. Не в чем их подозревать.

Остаток вечера они проболтали о всяком-разном. Гусыни рассказывали о южных краях, где Тайка только мечтала побывать. Ей так хотелось однажды своими глазами увидеть синее-синее море, по которому ходят кораблики и плавают белые лебеди. А в небе кружат чайки. Даже не верилось, что на родине Лины и Лиды весна наступает уже в феврале, представляете? А снег порой вовсе не выпадает. Разве что где-нибудь высоко в горах. А холодов – нет, вы только подумайте – всего пара недель в году.

Когда они допили третий чайник чая, настала пора укладываться спать. Тайка устроилась под любимым одеялом, Пушок свернулся калачиком в её ногах, а Лина с Лидой попросились на постой в курятник. Мол, надоело в человеческом облике ходить, хочется перекинуться в птиц. Для сна оно полезнее. Так и заснули.

А наутро Тайку разбудил коловерша – опять взволнованный донельзя.

– Тая, полундра! Просыпайся скорее. Наши гусыни-вертихвостки сбежали!

– Ну что ты опять кричишь? – Тайка протёрла заспанные глаза. – Не сбежали, а ушли. А что не попрощались, так они же птицы вольные. Решили лететь – полетели.

– Опять не веришь? – надулся Пушок. – А, между прочим, зря! Они не полетели, а пешком пошли. Я сам видел. И с ними кто-то третий был. Ты понимаешь, что это значит? Они всё-таки кого-то увели, заманили в свои сети. А обещали! Обещали!

Ну что тут скажешь? Пришлось быстро одеваться и бежать на холодную улицу – даже без привычного утреннего какао. Коловерша от неё ни за что не отстал бы.

* * *

Они успели догнать гусынь уже за околицей. Тайка издалека увидела три фигуры и прибавила шаг – а Пушок-то, похоже, был прав. Только вот спутница Лины и Лиды девочкой не выглядела. Наоборот, была самой грузной из них. И вообще, казалась очень знакомой...

– Тётя Надя? – подбежав, Тайка узнала продавщицу из магазина. – А вы-то что здесь делаете?

Гусыни переглянулись и хором выдали:

– Не то, что ты думаешь.

– А по-моему, очень даже то! – насупился Пушок, выпуская когти. – Нарушаем, гражданочки? Похищение людей – это статья, между прочим. Ни с места! Я вас арестую!

– Это, наверное, больно? – ахнула Лида.

А тётя Надя всплеснула руками:

– Ой, это ж мой любимый рыженький котик. Я его прикармливала. Твой, что ль, Таюшка? – она почесала Пушка за ушком, и тот растерялся.

Разве можно чесать за ушком детектива при исполнении обязанностей? Но так приятно... мр-мр-мр.

– То ли он – мой, то ли я – его, мы ещё не определились, – улыбнулась Тайка.

– Такой хороший... – тётя Надя гладила и гладила коловершу. А потом тихо – Тайка едва расслышала – сказала: – Прощай, рыжик.

– Что значит «прощай»? – встрепенулся Пушок. – Тая, она по-коловершьи не понимает. Спроси у неё.

– Вы уезжаете? – у Тайки на глаза навернулись слёзы.

Они с тётей Надей не были близки – так, болтали о природе, о погоде, – но «прощай» явно означало, что та покидает Дивнозёрье навсегда. От этого почему-то было очень грустно.

– Можно и так сказать, – продавщица глянула на Лину, потом на Лиду, и те кивнули, мол, говори всё как есть. – Таюшка, я слышала, о чём вы там болтали. Про волшебную страну. Закрыла магазин, пошла следом. И – ты уж извини – под окном простояла до вечера, ваши беседы слушаю. А как вы разошлись, пошла в курятник – договариваться. Разве можно такую возможность упускать?

– Я думала, что виллы забирают только молодых девушек, – Тайка захлопала глазами.

– Так и есть. Но для меня решили сделать исключение.

– Тая, спроси, она точно-точно сама решила? – нахмурился Пушок. – А кто же мне будет давать рыбку?

– Пушок, тётя Надя взрослая женщина и может решать, куда и с кем ехать.

– Так-то оно так, но...

– Я очень больна, – тихо призналась тётя Надя. – Мне недолго осталось. А тут – целый волшебный мир, новая жизнь и крылья... Знаешь, я всегда мечтала летать. С тех пор как мама меня маленькую отвезла на юг на самолёте. Я запомнила домики внизу – будто игрушечные. И облака. А море... оно такое огромное. Там я смогу видеть его каждый день. И буду снова здоровой, потому что виллы не болеют. Это ли не счастье?

Тайка вздохнула. Вот так живёшь всю жизнь рядом, ходишь в магазин, покупаешь носки или резинки для волос – и не знаешь, что за прилавком стоит несчастный человек с большой светлой мечтой... Может, тётя Надя и не умела творить чары, но всегда помогала другим – словом и делом – и ничего не просила взамен. Это, если подумать, тоже настоящее волшебство.

Первым опомнился Пушок:

– Счастливого пути!

И Тайка повторила вслед за ним:

– Счастливого пути, лёгких крыльев.

Ей очень хотелось увидеть, как тётя Надя превратится в птицу, но гуси-оборотни ревностно хранили свою тайну.

* * *

До дома они с Пушком добрались молча. Тайка вошла, повесила куртку на гвоздик, скинула сапоги.

– Будешь какао?

Коловерша прежде никогда не отказывался от угощения, а тут словно не услышал вопроса:

– Тая, а ты уже думала, какое желание загадаешь, когда придёт время повязывать марте-ничку на дерево?

– Нет. А что?

– Можно я загадаю? Очень надо!

Тайка ожидала, что коловерша заведёт свою обычную песнь про горы мороженого и тонны пирожных, но ошиблась.

– Я хочу, чтобы тётя Надя нашла своё счастье, – Пушок неотрывно смотрел в окно. – Она была так добра ко мне. Рыбкой угощала. Она заслужила!

Ну как тут откажешь? Конечно, Тайка согласилась.

И в этот самый миг над их домом сделали круг три диких гусыни, а потом, выстроившись клином, полетели на юг: далеко-далеко, к тёплому синему морю.

Перо жар-птицы

– Ну вот, я так и знал! – бурчал домовой, громко звеня ложечкой о край чашки. – Предупреждал же! Пошто меня не слушала, Тайюшка-хозяюшка? Не зря ж говорят в народе: настал марток – надевай сто порток! А ты без шапки на улицу бегала, вот и хлюпаешь теперь носом. Эх, опять пропустишь контрольную по алгебре...

Он отложил ложечку в сторону и протянул ей чашку.

– Не ругайся, Никифор, – Тайка, вздохнув, отхлебнула чай с малиновым вареньем и поморщилась. – Ух, сладко! Сколько же ты сахара туда положил? У меня сейчас что-нибудь слипнется.

– Так тебе и надо, – фыркнул домовой. – Будешь знать, как не слушаться. Сейчас я тебе ещё тертую редьку с медком сделаю.

– Ой, не надо! Терпеть не могу редьку.

– Надо-надо! – поддакнул Пушок. – Уж мы тебе не дадим разболеться. Вечером Никифор ещё баньку растопит, а я тебя веником, веником! Чтоб знала!

– Сейчас я сама тебя веником! – сдвинув брови, Тайка угрожающе чихнула, и коловерша на всякий случай отодвинулся подальше. – Слушайте, всё это понятно, но я же не просто так по лужам бегала. Дед Фёдор позвонил, что приболел. Ну я и испугалась – а вдруг у него опять сердце прихватило? Это потом только выяснилось, что простуда...

Пушок с Никифором переглянулись и хором заявили:

– Но шапку всё равно могла бы надеть.

М-да, когда эти двое объединяются, спорить с ними становится совершенно невозможно. Ещё и редьку вонючую поставили прямо перед носом, пфе!

Тайка поджала губы и отставила чашку на блюдечко.

– Я подожду, пока остынет. Горячо.

– Ты не ной, а пей давай, – домовой приложил мохнатую ладонь к её лбу и покачал головой. – Жар у тебя немалый, однако, сбить надо...

– Эх, а мы с Алёнкой хотели сегодня до леса дойти. Говорят, в этом году лесавки раньше времени проснулись, первоцветы выпустили, а тут их снегом и засыпало. Хотели им пледиков отнести и термос с какао, чтобы не замёрзли.

– Дома сиди! – буркнул Никифор, а Пушок добавил:

– Мы сами отнесём. А ты ещё успеешь до приключений дорваться, неугомонная наша.

– Какие уж теперь приключения дома-то... – Тайка шмыгнула сопливым носом.

Стоило ей только сказать это, как вдруг в окно кто-то настойчиво забарабанил.

Вот такая она – жизнь ведьмы-хранительницы Дивнозёрья: даже когда болеешь, приключения – раз! – и найдут тебя сами.

Никифор раздвинул шторы и открыл окно, впуская на террасу уже знакомых Тайке диких коловерш – чёрно-белую Ночку, Пушкову зазнобу, и серого Дымка – его извечного соперника.

Влетев, Дымок первым делом нацелился на пряники в вазочке на столе и облизнул пышные усы, а Пушок, перехватив его взгляд, насупился и, подвинув вазочку поближе к себе, рявкнул:

– Чё надо?

– Простите, что без предупреждения, – Ночка вежливо раскланялась. – У нас тут важное дело, Пушок. Нам без тебя никак не справиться.

– И без твоей ведьмы, – Дымок, ухнув, перевалил через подоконник мешок – с него самого размером.

Тайка только сейчас заметила, что морда у серого коловерши была вся расцарапана, как будто тот совсем недавно с кем-то подрался.

– Что это вы притащили? – она осторожно потрогала мешок пальцем, и тот вдруг пошевелился, а изнутри донеслось угрожающее кудахтанье, в котором Тайка не разобрала ничего, кроме приглушённых ругательств.

– Не «что», а «кого», – Ночка на всякий случай отодвинулась от агрессивного мешка подальше. – Мы поймали жар-птицу! Настоящую!

– Ерунды не говорите, – недоверчиво хмыкнул Никифор. – В Дивнозёрье жар-птиц отродясь не водилось. Они же сквозь вязовое дупло пролезть не могут – от их огненных перьев дерево сразу воспламеняется. И мешок ваш тоже сторел бы вмиг.

Пушок, услышав такие новости, закатил глаза и попытался было упасть в обморок, но, вспомнив, что при Ночке показывать слабинку не стоит, всё же удержался на лапах, покачнулся и упавшим голосом произнёс:

– Они же это... враги. Забыли, что я вам рассказывал? Жар-птицы ненавидят коловерш. Они ещё во времена моего детства с Кощеем спутались и ему служили. И вы тащите к нам в дом эту гадость?!

– погоди, Пушок, не нервничай. Никифор же ясно сказал: это не может быть жар-птица, – Тайка снова чихнула, пнув стол и едва не расплескав чай.

– Не верите! Посмотрите сами! – Дымок плюхнул свою ношу на пол, мешок раскрылся, и оттуда выбралось... нечто.

Тайка, не удержавшись, прыснула – настолько нелепым выглядело это странное создание. Вот представьте себе цыплёнка, но не жёлтенького и пушистого, а уже подросткового: голенастого, нескладного, с куцыми крылышками и с очень большими круглыми глазами на маленькой голове с длинной шеей. Вот примерно такую птичку им и притащили. С той лишь разницей, что это обципанное чудовище было размером побольше иной взрослой курицы. Его красные, жёлтые и оранжевые перья торчали во все стороны, на лапках сверкали золочёные, будто покрытые фольгой когти, макушку украшал золотой же гребешок, а на кончике куцего хвоста то и дело вспыхивали маленькие язычки пламени.

– Мерзавцы! – звонко прокудахтала эта цыпа. – Где это видано, чтоб посреди бела дня честных птиц в мешок совали и волокли невесть куда! Я требую извинений! И это как минимум!

– Простите, – Тайка всеми силами пыталась сохранить серьёзный вид, но у неё не получалось. – Они просто не разобрались, кто вы и откуда. Кстати, как и я. Неужели вы и правда жар-птица?

– А что, не видно? – на неё уставился круглый глаз, в котором тоже блеснул язычок пламени.

– Ну, я никогда раньше не видела жар-птиц, – Тайка развела руками.

– Зато я видел, – оскалившись, зашипел Пушок. – И смею вас заверить – это она самая и есть. В суп эту цыпу, и дело с концом!

– Сам туда ныряй, кошачье отродье, – не осталась в долгу гостья.

– Ну зачем же сразу в суп? – поморщилась Тайка.

– Эй, да она же нам дом сейчас спалит! – Никифор, ахнув, схватил графин и выплеснул воду прямо на голову жар-птицы.

Взгляд цыпы из недовольного стал ненавидящим.

– Невежды! – она щёлкнула клювом. – Мне ещё и двух дюжин лет не стукнуло. До настоящего огня расти и расти.

Тем временем Пушок подкрался и попытался ухватить мокрую жар-птицу за хвост, но, получив клювом прямо в нос, заорал:

– Тая, смотри, она дерётся!

– Но ты же первый начал, – пожала плечами Тайка.

– Я тебя защищал! Кто знает, что у этой злодейки на уме.

Дикие коловерши дружно зашипели, поддерживая товарища. Жар-птица ответила угрозжающим клёкотом, и Тайке пришлось постучать по столу и прикрикнуть:

– Так, а теперь все замолчали! Сперва всё выясним, а потом будем решать, что делать.

Коловерши вмиг притихли и плотненько сгруппировались на диване, словно в гнезде. Ночка юркнула под плед, а Пушок утащил туда же вазочку с пряниками. Никифор, смущённо кашлянув, вернул графин на стол, а цыпа, встряхнувшись, пробормотала:

– Вот, сразу бы так. А то ишь, припадочные!

После недолгих расспросов Тайке удалось выяснить, что их гость – не «цыпа». В смысле, не курочка, а вовсе даже петушок, и зовут его Ярк. И да, это именно он разодрал шпорами Дымку всю морду, когда отбивался от нападения коловершей.

По человеческим меркам Ярк был ещё подростком и, как это нередко бывает с подростками, сбежал из дома ещё летом, крепко поссорившись с родителями. Потом, одумавшись, хотел вернуться, но оказалось, что дупла закрыты.

– И как же ты зиму зимовал? – ахнула Тайка. – Тяжко, небось, пришлось?

– Да не особо, – Ярк отмахнулся куцым крылом. – Залез в курятник, делов-то! Меня там за своего приняли. Вот только голодно было. Эй, а что это у тебя там стоит на тарелочке и так вкусно пахнет?..

– Хочешь? – Тайка придвинула ненавистную редьку поближе к гостю, особо не надеясь, что тот захочет попробовать, но Ярк обрадовался и набросился на угощение так, будто и в самом деле всю зиму голодал.

Никифор неодобрительно крикнул, но Тайка сделала вид, что ничего не услышала. В этот момент Пушок высунулся из-под одеяла (вся его морда была в пряничных крошках):

– Конечно, он хочет. Или ты не слышала: жар-птицы от мёда волю теряют. Даже если горькую полынь им вымазать, и ту сожрут, не моргнув. У-у-у, проглоты!

– Кто бы говорил, – Тайка погрозила ему пальцем.

Она дождалась, пока гость доест всё до последней крошки, и виновато развела руками:

– Знаешь, Ярк, тебе вообще не нужно было зимовать в Дивнозёрье...

– Как так? – петушок недоверчиво прищурился.

– А так, что вязовые дупла ещё осенью снова открылись. Ты не додумался проверить?

– Да врёшь! – Ярк выглядел растерянным.

– Зачем бы мне? – Тайка надула губы. – Лети и сам проверь.

– Легко сказать: лети! Эти коты несносные мне все перья повывергали!

– Тая, ты что, его вот просто так возьмёшь и отпустишь? Ребята его зря ловили, что ли? – Пушок от возмущения даже выронил из когтей последний пряник. Тот шмякнулся на пол, и Ярк тут же пригрёб его к себе и принялся клевать, несмотря на возмущённое шипение коловерши. – Эй! Ну что за наглость!

– Не жадничай, – осадил его Тайка. – Сколько ты пряников уже слоупал за это утро?

– Не важно. Это же жар-птица! Вражина подлый!!! Они на моё гнездовье нападали, ещё когда я едва летать научился.

– Ну и когда это было? – Тайка взяла со стола салфетку и шумно высморкалась: ох уж эта простуда – из носа лило, как из ведра. – Сам же говорил, ещё при Кошее! А того Кошея уже в живых давно нет. И Ярк явно не застал те времена.

– Зато его родители...

– Даже если и так – дети за родителей не в ответе! – она перебила коловершу на полуслове, и тот, надувшись, умолк.

А Дымок, прежде никогда не соглашавшийся с Пушком, вдруг перелетел к Тайке поближе и зашептал на ухо:

– Ты эт, ведьма, не торопись. Знать те кое-что надобно. Слыхала небось: перо жар-птицы желания выполнять умеет. Отпустишь птичку – прохлопаешь выгоду. Ох, жалеть потом будешь.

– Так ты поэтому ему перья повывергивал, что ли? – ахнула Тайка.

Дымок, ничуть не смутившись, кивнул:

– Ага! Ты не подумай, драка честная была!

– Как же, честная! – вскудахтнул Ярк, надувая грудь. – Вдвоём на одного!

– Да ладно, Ночка только мешок принесла!

– И приманку замешивала, – пискнула из-под одеяла чёрно-белая коловерша.

– Ну коне-е-ечно! А перья, можно подумать, не она дёргала, пока ты меня держал, – Ярк яростно клацнул когтями по дощатому полу.

Тайка схватила за голову: от их громкой перепалки виски заломило, и, кажется, температура снова поползла вверх. Никифор, глядя на неё, прицокнул языком и всунул в руки градусник.

– Вдвоём на одного – это и правда нечестно, – Тайка строго глянула на Дымка, и тот, смущённо опустив взгляд, пробормотал:

– Только эти перья всё равно не работают. Я уж и так, и сяк желания загадывал. На ветер их кидал, ломал, облизывал даже – без толку. Хочешь, сама попробуй: вон там в мешке остатки.

Тайка взяла одно сияющее перо и задумчиво повертела его в пальцах. Ух, и красивое! Похоже на петушиное, но с огненным глазком на кончике, как у павлина. А ночью, наверное, светится.

– Это правда? – она повернулась к Ярку. – Твои перья могут выполнять желания?

– А если и да, то что? – огрызнулся огненный птах. – Запрёшь меня в курятник и будешь при необходимости ощипывать, как эти гады? Эх, а я-то был о тебе лучшего мнения!

Тайка покривила бы душой, если бы сказала, что у неё совсем не было искушения так поступить. Это же сколько всего загадать можно! Но в следующий миг она устыдилась своих потаённых желаний и мотнула головой:

– Нет, я так не сделаю. Ты свободен и можешь отправляться домой.

Ярк неверяще вскинулся, его оперение на радостях засияло золотыми искрами.

– Не зря, значит, говорят: хорошая нынче в Дивнозёрье хранильница.

– Кто это такое говорит?

– Да все, – Ярк встряхнулся. – Слухами земля полнится. Теперь и я могу подтвердить, что ты не алчная, справедливая и по одежке незнакомцев не судишь. А коли так, оставь себе три моих пера, которые эти кошачьи отродья повывергали. Мне они, сама понимаешь, уже без надобности – новые отрастут.

– Ой, спасибочки! – Тайка едва удержалась, чтобы не захлопать в ладоши. – А как ими пользоваться, расскажешь?

– Да всё просто, – хмыкнул Ярк. – Кидаешь и загадываешь. Знаешь, почему у этих осто-лопов не получилось? Перо жар-птицы только тогда желание выполняет, когда добровольно было отдано. А если силой пытаться своего добиться – останешься с носом. Ты только не обольщайся, ведьма, – я пока что не очень взрослый, поэтому и перья мои большого чуда сотворить не могут. Но на мелкие бытовые чудеса вполне способны.

– А насморк смогут вылечить? – Тайка подалась вперёд.

– Это запросто. Да что там насморк: всю твою простуду как рукой снимет. Ты только желания в долгий ящик не откладывай: как только у меня в хвосте новые перья вырастут, эти погаснут.

– Никифор, ты проводишь нашего гостя до вязового дупла? Ну, чтобы с ним ничего по дороге не случилось? – Тайка строго посмотрела на коловершей.

Домовой в точности скопировал её грозный взгляд и почесал в бороде:

– Провожу! Отчего ж не проводить! Заодно давайте сюда ваши пледы и какашко – мы с Пушком их лесавкам занесём.

– Что, и ты тоже полетишь провожать эту глупую курицу? – Ночка пихнула Пушка лапой в бок. – Мы старались, ловили, а ты!..

– Угу, – коловерша кивнул. – Тая права. Нам не стоило с предубеждением относиться ко всем жар-птицам. И я не должен был вас настраивать против них. Не может же быть, чтобы весь их род нам врагами приходился. Все птицы разные, как и мы, и люди тоже...

– Ну и дурак, – обиженно надулась Ночка. – Сегодня можешь ко мне не прилетать даже, ясно?! Дымок, нам пора, нас тут не любят!

«Фр-р-р!» – они вылетели в окно. Пушок, перепрыгнув на подоконник, проводил их тоскливым взглядом. Тайка сочувственно потрепала его между ушей:

– Не грусти, Пушочек. Она всё поймёт, и вы ещё помиритесь. Хочешь, я тебе перо отдам? А третье – Никифору. Загадаете себе тоже что-нибудь.

– Правда?! – глаза коловерши загорелись, всю печаль вмиг как рукой сняло. – Тогда хочу ящик мороженого! Он же влезет в морозилку? Да? Да?!

– Придумаем что-нибудь, – улыбнулась Тайка: она так и знала, что Пушок загадает себе чего-нибудь вкусенького. – Никифор, а чего ты хочешь?

Домовой мечтательно закатил глаза:

– Знаешь, Таюшка-хозяйюшка, желаю я, чтобы посуда у нас сама мылась и в шкаф ставилась. И чистота будет – загляденье, и тебе в том подспорье по хозяйству немалое.

Каждый взял по перу и подбросил его в воздух. Они закружились и ещё не успели даже коснуться пола, когда Тайка почувствовала, что горло больше не болит, нос прочистился и даже чихать больше не хочется. Пушок, обняв крыльями появившийся из воздуха ящик с мороженым, проворковал:

– Ух, моя пр-р-релес-с-сть...

Тайка хихикнула: похоже, кое-кто опять кино насмотрелся.

А из старого умывальника вдруг сама собой полилась вода, и чашки, тихонько позвякивая, принялись намыливаться о губку. Ишь, чудеса: ну прямо как посудомоечная машина у мамы в городе, только не обычная, а волшебная.

– Идёмте скорее! – Тайка вскочила, накинула на плечи пуховый платок и подхватила сумку с пледами. – Я тоже с вами прогуляюсь. Так устала дома сидеть – весна на дворе всё-таки!

Коловершыи свершения

Знаете пословицу: кот из дома – мыши в пляс? А вот когда ведьма уезжает из дома на школьную экскурсию, в пляс пускаются коловерши, ну, по крайней мере, некоторые. Потому что остаться без Тайки одному на хозяйстве – это же праздник какой-то! Ну сами посудите: еды наготовлено вдоволь, никто веником не гоняет, полотенцем не машет, за отпечатки грязных лап на скатерти не ругает, и вообще – дом весь твой. Хочешь, спать ложись, хочешь – песни пой. А хочешь – гостей приглашай.

Надо будет Ночку позвать на вечерочек – посмотреть «Кошмар на улице Вязов»! Ух, и визжать будет! Она ведь – смешно сказать – даже Дарта Вейдера испугалась, а тут – настоящие ужастики, классика! Да ещё и про вязовые дупла, небось...

Признаться, Пушок и сам этот фильм пока не смотрел, но уже предвкушал, как будет успокаивать свою пугливую подружку, когда та откажется улетать в лес на ночь глядя.

В общем, как ни крути, а грядущие выходные обещали быть чудесными: Тайка сказала, что вернётся с экскурсии не раньше понедельника, а Никифор вместе с Фантиком и Гриней отправились на рыбалку – стало быть, дом даже без домового остался.

В другое время Пушок, конечно, пошёл бы с ними – уж больно компания хороша, да и клёв в мае на озёрах, говорят, отменный – но в этот раз романтические настроения взяли верх, и он предпочёл рыбалке свидание.

Первым делом коловерша, конечно, прихорошился: пёрышки совиные начистил, всколоченную шерсть языком прилизал, даже когти о когтеточку сточил, чтобы за покрывало не цеплялись. Посмотрелся в зеркало – ну красавчик же! Глаз не оторвать!

Чёрно-белая коловерша Ночка – дама его страдающего сердца – в последнее время изрядно помотала Пушку нервы, привечая то его, то Дымка – ненавистного серокрылого бандита, главу стаи диких коловершей. Ишь, какая переборчивая невеста выискалась! Неужели ей не понятно, что рыжие всегда лучше всех?

Впрочем, на этот раз Пушку повезло: на предложение скоротать вечер за просмотром киношки Ночка ответила благосклонным согласием, и он захлопотал с новыми силами: вытащил из сундука пледы (включая Тайкин любимый – а что, с неё не убудет!), свил из них тёплое уютное гнездо, ещё и подушек досыпал сверху, чтобы мягче было валяться. Слева поставил вазочку с печеньем, справа – с малиновым джемом, а посередине – маслёнку. Это рецепт известный: если джем и масло на печенье щедро намазать, почти пирожное получится. А Ночка сладкое ох как любила! Да и Пушок, признаться, не зря получил от Тайки ласковое прозвание «сладкоежка» (а ещё – «проглот», но об этом обидном прозвище коловерша предпочитал не вспоминать; потому что никакой он не проглот, а просто-напросто растущий организм!).

Пушок водрузил на поднос две мисочки со свежим молоком (в них было очень удобно макать печенье) и достал из шкафа заранее припасённый пакет солёного попкорна – потому что добрые традиции надо соблюдать. Ну сами подумайте, без попкорна какое вообще кино?!

Ночка, как водится, опоздала. Но Пушок не очень расстроился – по правде говоря, он был несказанно рад, что она не притащила с собой Дымка. А то, признаться, бывали случаи.

Но едва они устроились в уютном гнёздышке из пледов и Пушок потянулся к пульту, чтобы включить фильм, дама его сердца вдруг решила поныть:

– Слушай, а может, что-нибудь другое посмотрим? Ну там, про любовь... Мело... мила... как они там называются?

– Ме-ло-дра-ма, – наставительно произнёс коловерша, подняв вверх коготь. – И нет, никаких мелодрам сегодня. Мы же уже договорились, ну... Нельзя быть такой трусихой.

Ночка фыркнула и обиженно захрустела печеньем, но Пушок решил не поддаваться – по правде говоря, мелодрамы он не любил ни в кино, ни в жизни. И вообще, решение уже было принято. Поэтому он просто клацнул когтем по пульту и включил фильм.

Вопреки его ожиданиям, Ночка не стала визжать от ужаса даже на самых страшных моментах, а весь сеанс сидела очень тихо и смотрела на экран круглыми жёлтыми глазами, которые с каждой минутой становились всё больше и больше.

– Ты говорил, это будет про вязовые дупла, – пискнула она и больше не сказала ни слова, пока фильм не кончился. Даже к попкорну не притронулась.

А Пушок и сам был уже не рад, что настоял. Кино оказалось действительно жутким. Но показать свой страх при даме он не мог, поэтому только топорщил шерсть на загривке, иногда тихонько шипел и ел вдвое больше, чем обычно, – от стресса, надо полагать.

– Я больше никогда не буду спать, – выдохнула Ночка, когда пошли финальные титры. И, кажется, впервые в жизни Пушок был с ней полностью согласен.

Он сглотнул и попытался обнять её крылом, то ли желая успокоить, то ли пытаясь успокоиться сам. От мысли, что подруга может сейчас улететь и оставить его одного в этом пустом одиноком доме, коловёрше стало не по себе. А Ночка ещё и подлила масла в огонь:

– А тебе не кажется, что в доме кто-то есть? – её голос предательски дрогнул. – Кто-то чужой...

– Не может быть, – Пушок произнёс это так твёрдо, как только мог, но в душе засомневался. А глупое сердце уже ухнуло в пятки.

Старый деревенский дом жил своей жизнью. Повсюду слышались скрипы, шорохи, за окном завывал разгулявшийся к ночи ветер. Ветка стукнула в окно, и Ночка, тихо вскрикнув, нырнула с головой под плед, перевернув мисочку с джемом. Пушок спустя мгновение присоединился к подруге. Его лапы дрожали, сердце билось часто-часто, а дыбом стояла уже не только шерсть, но и все перья. Ох, и влетит им от Тайки за испачканный плед. Если, конечно, они живы останутся...

Вдруг он услышал, как на чердаке что-то покатилося, гроыхая по полу, звякнуло и зловеще затихло.

– Это маньяк! – Ночка всхлипнула, прижимаясь к Пушку всем телом. – А-а-а, спасите!

Дама просила его о помощи – кто остался бы равнодушным?

– Не маньяк, а сквозняк, – как можно беспечнее отозвался Пушок. – Хочешь, я схожу и проверю?

Слова сорвались с языка прежде, чем он подумал, чем на самом деле грозит такое предложение. А когда спохватился и малодушно понадеялся, что Ночка откажется, было уже поздно.

– Проверь, пожалуйста, – закивала та. – А то мне о-о-очень страшно...

Ох, как же сейчас Пушку не хватало рядом храброй ведьмы Тайки. Вместе с ней он хоть к чёрту в ступу, хоть к Змею Горынычу в пасть полез бы. И с маньяком бы сразился, честное коловёрше слово! Но Тайка была далеко, как и спокойный здравомыслящий домовый Никифор. Поэтому расхлёбывать заварившуюся кашу Пушку предстояло самому.

– Я возьму веник. На всякий случай, – он говорил сам с собой вслух, чтобы не так трястись от ужаса.

– Думаешь, маньяк боится веника? – Ночка нервно хихикнула.

– Ну разумеется, – Пушок решительно откинул одеяло, встал на все четыре лапы, встряхнулся.

– Но почему?

– Потому что веника бояться все! – героически выгнув грудь вперёд, он дыхнул на когти и пополировал их о шерсть. – Идём, будешь меня страховать.

Это только говорят, что кошачья поступь самая мягкая. Но, наверное, коловерши всё-таки были недостаточно похожи на котов, потому что старые рассохшиеся ступени, ведущие на второй этаж, оглушительно поскрипывали под их лапами. Обычно Пушку казалось, что он ходит гораздо тише, но сегодня, как назло, каждый шаг отдавался в ушах, как звук барабана. Тум-тум-тум! А ведь маньяк мог слышать любой шорох. И напасть.

– Если у него с собой ножи, это ерунда, у нас тоже есть когти, – шепнул Пушок на ухо своей подружке, когда они добрались до чердачной лестницы.

Но Ночку это ничуть не успокоило.

– А вдруг у него когти больше?

– Ты кино вообще смотрела? – возмутился коловерша. – У маньяка всего две лапы, а у нас – по четыре у каждого. Преимущество на нашей стороне. А ещё я рыжий. Это значит – удачливый!

Перехватив веник покрепче и выставив его перед собой для пушей убедительности, он с силой толкнул чердачную дверь от себя. Та отозвалась леденящим душу скрипом несмазанных петель.

– Послушай, а зачем мы вообще туда идём? – запоздало заныла Ночка. – В фильмах герои тоже вечно идут туда, где опасно, а потом раз – и всё. Я передумала: давай не будем проверять, сквозняк там или маньяк. Лучше летим скорее в лес, пока не поздно.

– Ни за что! – фыркнул Пушок. – Теперь это дело чести. Не бойся, я же с тобой!

В нём говорила, конечно, не смелость, а чувство вины. Он просто не мог вот так взять и удрать. Его же оставили одного на хозяйстве. Значит, Тайка ему доверяла. И Никифор тоже. А вдруг друзья вернутся раньше, не будут знать, что на чердаке завёлся маньяк, и сразу попадутся ему в лапы? Этого Пушок никак не мог допустить.

– Эй, кто здесь! – крикнул он в темноту. – Выходи, а не то...

Договорить он не успел. Дверь с треском захлопнулась. Насмерть перепуганная Ночка осталась снаружи (Пушок подозревал, что дама его сердца сейчас лежит в глубоком обмороке). Он и сам едва не брякнулся без чувств, но вмиг взбодрился, когда понял, что кто-то, кого Пушок так и не сумел разглядеть, утробно зарычал и крепко-накрепко вцепился зубами в веник. В воздух взметнулась застарелая пыль, сразу захотелось чихать и кашлять. Снова что-то звякнуло, послышался звон разбивающегося стекла – кажется, нападавший задел хвостом пустые банки (ну, теперь, по крайней мере, Пушок мог ручаться, что у его врага есть хвост, – особенно после того, как получил этим самым хвостом по морде).

Коловерша отпрянул и только сейчас понял, что всё это время крепко зажмурил глаза от страха. Так вот почему было так темно! Шумно выдохнув, он приподнял веки, а в следующий миг, охнув, выронил веник и попятился, потому что прежде никогда в жизни не видел такого жуткого, хоть и небольшого, чудища. Два зелёных огня (видимо, глаза чердачного маньяка) светились в темноте, страшная, по-стариковски сморщенная морда клацала тонкими, но оттого не менее внушительными клыками; на тощем лысом тельце ходуном ходили острые лопатки, а ещё... у чудовища было не две, а целых четыре лапы, увенчанных внушительными когтями, а вдобавок – кожистые крылья, как у летучей мыши.

«Кыш, мерзавец, кыш», – хотел было заорать Пушок, но из горла вырвалось только угрожающее шипение, спина выгнулась дугой, а когти заскрежетали по дощатому полу, оставляя светлые борозды.

Кажется, это произвело впечатление на крылатого маньяка. По крайней мере, тот замер, не решаясь перейти в наступление. Некоторое время они смотрели прямо друг другу в глаза и рычали, соревнуясь, кто громче. Пушку показалось, что прошла целая вечность, прежде чем этот сморчок попятился, поджимая лысый хвост, и низким басом прогудел:

– Ну чего началось-то!

Пушок приободрился, выпятил грудь и, шагнув вперёд, строго спросил:

– Эй! Ты зачем влез в мой дом?

Маньяк сморщил морду (хотя, казалось бы, куда уж сильнее), поводит усами и нехотя признался:

– Я не знал, что это твой дом. Думал, тут ведьма живёт. Дело у меня к ней. Хотел в услужение напроситься.

– Так, стоп! Это моя ведьма! – Пушок почти орал. – И ей слуги не нужны! У неё друзья есть, вот!

– Ну, в друзья, значит, – пожал плечами тощий маньяк. – А проще говоря, в фамилиары. Если, конечно, вы, деревенские, такие слова вообще знаете.

– Мы и не такие слова знаем! – процедил Пушок сквозь зубы. Пренебрежительное отношение к деревенским его обидело. – А ну, признавайся, кто ты таков и кто тебя к нам подослал?

– Никто меня не подсылал, – пробасил сморщенный маньяк, наконец-то спрятав когти. – Ты такие глупые вопросы задаёшь. Сам не видишь, что ли? Коловерша я.

У Пушка округлились глаза и отвисла челюсть.

– К-коловерша? – ахнул он, когда к нему вернулась способность говорить. – А почему лысый?

Чудище недовольно дёрнуло острой лопаткой и пробубнило:

– Ну а какой должен быть? Волосатый, что ли?

На это Пушок впервые в жизни не нашёлся что ответить.

– Слушай, я знал, что бывают лысые коты. Ну эти, сфинксы которые. Но вот чтобы лысые коловерши! Ты точно не радиоактивный мутант, нет? – когда волнение немного ушло, к Пушку снова вернулся его могучий аппетит. В промежутках между фразами он неистово хрустел печеньем и заедал его колбасой. Ну а что такого? В желудке всё равно всё вместе будет.

– Сам ты мутант. А я – Вениамин, – новый знакомый подвинул к себе поближе блюдечко с молоком: Пушок решил показать себя радушным хозяином, рассудив, что если уж они снизошли до разговоров, то негоже гостя не кормить. Даже если тот, возможно, маньяк.

Вениамин оказался весьма прожорливым. Но это ещё полбеды. Гораздо хуже было то, что ветреная Ночка пялилась на этого лысого гада во все глаза. Пушок никак не мог понять, чего в её взгляде было больше: ужаса или восторга, – но уже начинал ревновать.

– Вениамин? Это сокращённо будет Ве-е-еник? – мстительно хохотнул он.

Интерес в глазах подруги сразу же поугас, зато новый знакомый вздохнул так горько и протяжно, что у Пушка аж скулы свело.

– Прежняя хозяйка именно так меня и называла. Мы с ней в городе жили. А потом она меня выгнала...

– Ой, бедненький! Как же это так? – ахнула Ночка, подаваясь вперёд.

Её сердце всегда было добрым, отзывчивым, и некоторые сморщенные негодяи легко могли этим воспользоваться, поэтому Пушок, хмыкнув, добавил:

– Небось, было за что?

Но Вениамин в преступлениях сознаваться не спешил:

– Нет, просто так. Надоел я ей, видать. За все годы службы и слова доброго не слышал. Сметанки жирненькой не кушал. Все поручения выполнял. И вот награда – остался без крыши над головой, один-одинёшенек на всём белом свете.

Впечатлительная Ночка уже вовсю глотала слёзы и гладила Вениамина крылом по лысой голове. Пушок попытался было заикнуться, что в этом доме городским ловить нечего – мол, самим сметанки едва хватает, – но поперхнулся на середине фразы и умолк, встретившись с негодующим взглядом своей дамы сердца.

– Я была о тебе лучшего мнения, – она громко фыркнула, чтобы кавалер почувствовал всю силу её разочарования. – Сам же когда-то говорил: в тесноте, да не в обиде. Эх ты, жадина.

– Ну так это я про тебя говорил, а не про этого...

Пушок не знал, куда девать глаза. Он и впрямь однажды спрашивал у Тайки, не будет ли та против, если к ним в дом переедет ещё одна коловерща. На правах его невесты, конечно же. Ну, если согласится. Ни о каких других коловерщах – особенно лысых, – разумеется, и речи не шло. От отчаяния Пушок призвал на помощь самый распоследний довод:

– Послушай, но они с Тасей даже не знакомы!

– Так познакомь, – не отставала Ночка, а лысый Веник радостно поддакнул:

– Да-да, представьте меня ведьме, пожалуйста. Я готов пройти собеседование. Выполнить тестовое задание, если понадобится. Может, она меня какой-нибудь другой колдунье посоветует, если у вас все вакансии заняты?

– Её нет дома. Приходи в понедельник. А пока проваливай, – Пушок утянул полупустую мисочку с молоком у Вениамина из-под носа.

Да, это было грубо, но вообще-то лысый Веник и не такое заслужил! Между прочим, у них с Ночкой тут свидание было, а он свалился как снег на голову и всё испортил.

Вот только было поздно: Ночка уже расчувствовалась:

– Ну как можно выгонять гостя на ночь глядя?! Раз ты такой вредный, я тоже улетаю!

– Ты? Вместе с этим крокодилом сморщенным? – ахнул Пушок.

– От крокодила слышу, – флегматично отозвался Вениамин.

Ишь, развесил свои уши-локаторы!

Но вообще Пушку стало немного совестно. Ревность ревностью, но Тайка всегда учила, что людям надо помогать. А коловерщи ничем не хуже людей, а то и лучше! Даже лысые.

– Ладно, оставайся, – он снисходительно почесался. – Воскресенье как-нибудь переживём вместе, а там уже моя ведьма приедет, разберётся.

Не удержавшись, Пушок всё-таки выделил слово «моя».

– Спасибо, – сдержанно поблагодарил лысый Веник. Зато Ночка просияла и даже лизнула Пушка шершавым языком в щёку:

– Молодец! Я знала, что в душе ты миляга, хоть и пытаешься казаться врединой!

Пушок открыл рот и сразу же закрыл его. Потому что – ну а что тут ещё скажешь? Вроде и похвалили, а вроде и нет. А от дурацкого слова «миляга» очень уж веяло, как нынче модно говорить, «френдзоной» – Пушок про это в интернете читал. Это когда ты вроде как у своей зазнобы запасной вариант – сойдёшь, если никого получше не найдётся. Обидное, в общем, положение.

Хорошо хоть Ночка не подумала, что это он раздобрился, потому что не захотел оставаться дома один после просмотра ужастиков. Себя Пушок, к сожалению, так легко обмануть не мог: он-то знал, какое именно обстоятельство стало решающим...

Заснуть удалось только под утро, когда рассвет разогнал тьму и ночные страхи. Пушок свернулся калачиком на разбросанных по полу одеялах и счастливо засопел (ему снились Тайкины пироги с вишней), а когда проснулся (потому что даже во сне пироги имели обидную привычку заканчиваться), время уже перевалило далеко за полдень. За окном было серо, тоскливо, и мелкий дождь барабанил по стёклам. Даже и не скажешь, что май на дворе...

С кухни доносились голоса и смешки, звон посуды и шум льющейся воды. Расправив крылья, Пушок с наслаждением потянулся, облизал лапы, протёр заспанные глаза, вымыл усы и пригладил растрепавшуюся за ночь шерсть. Теперь, когда утреннее умывание состоялось, можно было и позавтракать – в животе уже урчало, и под ложечкой сосало от голода. Еле волоча лапы по дощатому полу, он вышел на кухню и обомлел: Ночка, сидящая прямо на столе (ох, и влетело бы ей, если бы Тайка увидела), дожёвывала последний кусок колбасы из пачки с нарезкой. Но это было ещё не самое страшное! Рядом с его дорогой подругой прямо на белой (когда-то) скатерти валяжно развалился ненавистный Дымок. Рожа лохматого негодяя была вся перемазана в сметане, и даже с усов свисали белые капли.

– Здравов! – завидев Пушка, незванный гость махнул лапой, открывая взгляду здоровенную дырку на скатерти. Надо ли говорить, что ещё вчера никакой дырки тут и в помине не было? Конечно, дикие-то коловерши не стачивают когти!

– А ты здесь что забыл? – Пушок нахмурился, скрипнув зубами от досады.

– Дык эта, Ночка сказала, тут у вас вечеринка, – хохотнул серый бандит.

– Но сейчас утро!

Дымок, ничуть не смущаясь, пожал плечами:

– Ну тады утренник. Чё зря орать-то?

В раковине звякнуло, и из-под горы грязной посуды выбрался белый с серыми пятнами пушистый толстяк, имени которого Пушок не знал. Из пасти этого незнакомого коловерши, словно сигара, торчала варёная сосиска.

– Это ещё кто? – простонал Пушок, закатывая глаза.

– А, это Жорка-обжорка, – любезно пояснил Дымок. – Братан. Он со мной. А вообще – из Михайловки.

– Кто ему разрешил взять мою еду?! – сердце Пушка сжалось и пропустило удар, когда Жорка, словно заправский пылесос, всосал остаток сосиски, нервно икнул и только потом выдавил из себя:

– Э-э-э, здрасьте.

Гора посуды накренилась под Жоркиной могучей тушей, он неловко взмахнул лапами и шмякнулся макушкой о клапан рукомойника. Незваного гостя окатило холодной водой, и Пушок почувствовал себя немного отмщённым. До той поры, пока не заглянул в совершенно пустой холодильник.

– Вы что, вообще всё сожрали? – ахнул он, вытаращившись на девственно чистые полки. – Даже мороженое?

– А тебе чё, для корешей жалко? – надулся Дымок.

А Ночка, смутившись, пробормотала себе под нос:

– Ой, как неловко вышло-то...

– Щас я вам покажу «неловко»! – Пушок в ярости захлопал крыльями и затоптал передними лапами. – Устроили тут свинарник!

– Коловершник, – обиженно поправил его Жорка-обжорка, поудобнее умачиваясь в раковине. – Мы же коловерши, а не свиньи какие-нибудь.

Любимое Тайкино блюдечко с голубыми цветочками (ещё бабушка дарила), не выдержав соседства с громадной меховой задницей, треснуло пополам. Одна половина так и осталась лежать в раковине, а вторая, упав на пол, разлетелась вдребезги.

– Так. Хватит. Проваливайте! Где веник? – заорал Пушок, бешено вращая глазами.

– Наверное, в шкафу. Спит ещё, – втянув голову в плечи, пискнула Ночка.

– Да не тот Веник! Не лысый, а соломенный! – разъярённый коловерша сделал шаг вперёд, поскользнулся на банановой кожуре и, проехав всеми четырьмя лапами по полу, плюхнулся на хвост прямо в подозрительно липкое пятно. Похоже, незванные гости ещё в ночи опрокинули банку с вишнёвым вареньем, попытались вылизать пол, но не преуспели.

Пока Пушок пытался очистить хвостовые перья от остатков сиропа, над его головой оглушительно скрипнула дверца кухонного шкафа (того самого, где Тайка хранила всякий ведьминский скарб) и оттуда высунулась сморщенная морда Вениамина:

– Вы меня звали, что ли? – он зевнул, клацнув зубами.

И тут Пушка окончательно прорвало:

– Я вообще никого не звал! Выметайтесь все! Вон отсюда! – для пушего устрашения он захлопал крыльями.

А тут как раз и веник под креслом нашёлся – тот, что соломенный. Пушок схватил его и как взлетел, как замахнулся...

– Полундра! – Жорка-обжорка пробуксовал лапами в раковине, уронил на пол ещё одну тарелку (та, к счастью, выжила) и вылетел в окно с прытью, совершенно неожиданной для такого упитанного существа.

Дымок же, паскудник, уклонившись от веника, сиганул на подоконник. Потом резво перепорхнул на соседнюю ветку и уже оттуда с наслаждением обшипел Пушка:

– Ш-ш-ш-жадина!

Вениамин сверзился с полки шкафа и, пробормотав что-то вроде: «Ну, я тогда попозже зайду», – шмыгнул за дверь.

И вот тут-то Пушок встретился глазами с Ночкой.

– А меня ты тоже не звал? – она вздёрнула нос и скорбно шевельнула усами.

– Эй... Ну, ты-то – другое дело...

Гнев вмиг испарился, и Пушок опустил веник, но было уже поздно: дама его сердца всхлипнула и, вылетев в окно, рванула к лесу. Остальные коловерши устремились следом, и Пушку оставалось только проводить их тоскливым взглядом.

Пожалуй, это было худшее свидание в его жизни. И вообще – худший день.

Но кое-что смогло сделать его ещё хуже: когда взъерошенный и несчастный коловерша начал прибирать вещи, которые вывалились из шкафчика с ведьминскими пожитками, то обнаружил оборванный шнурок. Он точно помнил, что когда-то на нём висел Тайкин счастливый пятак – бабушкин подарок, а теперь его нигде не было. Внутри всё перевернулось... наверняка это Веник спёр, гад лысый. Больше некому! Небось, наврал, что предыдущая хозяйка-ведьма его выгнала, чтобы подмазаться, – и тишком-нишком стащил для неё волшебный амулет на удачу. А теперь всё – ищи ветра в поле!

Признаться, сперва Пушок испытал немалое искушение запихнуть всё барахло обратно в шкаф, а, когда Тайка обнаружит пропажу, сделать честные глаза и сказать: мол, не брал. И это даже не было бы враньём: он ведь и правда не брал пятак. Но совесть сжала его горло будто ледяной рукой, не позволяя остаться в стороне.

Пушок тщетно попытался привести в порядок слипшиеся от варенья перья, потом махнул лапой – ладно, ещё успеется – и полетел к лесу. Он совершенно не представлял себе, где будет искать негодяя Веника, поэтому решил сперва навестить диких коловершей. Конечно, расстались они отнюдь не на мажорной ноте, но вроде бы лысый воришка улетел вместе с ними. И кто знает, вдруг они ещё не успели разлететься каждый в свою сторону?

Чёрная полоса в жизни не вечна, она имеет свойство заканчиваться, и Пушку наконец-то повезло: он нашёл диких коловершей в лесу на опушке – там, где они обычно любили собираться. Но только в этот раз никто не вылетел к нему навстречу, не прокурлыкал приветствие, не предложил вкусную шишку с семечками или сладкий корень ревеня. Его прежние друзья вели себя так, будто бы никакого Пушка вовсе не существовало. Понятное дело, обиделись... В другой раз это бы его задело, но не сейчас – главное, что Веник тоже был здесь. Ещё и лыбился, негодяй! Насмехался в душе, наверное.

Не долго думая, Пушок налетел на обидчика, сбил его с ног, и они вместе покатались по влажной от вечерней росы траве, грозно шипя, молотя друг друга когтями куда ни попадя и теряя по дороге перья.

– Вор-р-р! – прорычал Пушок, силясь цапнуть противника за обтянутый тонкой кожей загривок. – Отдавай, что украл!

– Не понимаю, о чём ты, – Веник ловко вывернулся и запустил острые когти прямо в бок обидчика, но те застряли в густом подшерстке.

– Отдавай пятак!

– Какой ещё пятак? Я ничего не брал!

– Врёшь!!! – Пушок взвизгнул, потому что Веник больно укусил его за ухо.

– А ну, перестаньте сейчас же, мальчики! – за спиной раздался возмущённый голос Ночки.

Кто-то схватил Пушка зубами за шкурку и потянул назад. Шипящего и плюющего во все стороны Веника оттащил Дымок собственной персоной. Серый вожак стаи дождался, пока оба драчуна перестанут вырываться, и только тогда рывкнул:

– Вы чё? Совсем страх потеряли? Пушок, какая муха тебя укусила, а ну выкладывай как на духу!

– Этот лысый воришка спёр из шкафчика одну очень важную вещь. Ведьминскую! Вот вернётся хранительница, обнаружит пропажу, и всем тогда на орехи достанется!

Кажется, это заявление Дымка обеспокоило. Тайку в Дивнозёрье все волшебные существа если и не любили, то уважали. Потому что знали: связываться с самой ведьмой-хранительницей – себе дороже.

Нахмурившись, Дымок повернулся к Венику:

– Так, чё-та я не понял, Вениамин? Это что за новости? Не по понятиям живёшь, лысый? У своих воровать строго запрещено. Одно дело там ягоды из сада стырить или яйцо из-под несущки – от них не убудет. Но у самой ведьмы! Это, братан, стыдоба!

– Да не брал я ничего! – Веник сплюнул на траву, и Пушок заметил, что по подбородку противника стекла капелька крови. Ха! Кажется, кто-то лишился зуба! – Что я, самоубийца, что ли, у ведьмы воровать? Да моя бывшая хозяйка за такое бы меня сразу за хвост раскрутила и об стенку шлёпнула.

Пушок, представив такое бесчинство, в ужасе закатил глаза. Нет, этого он даже гадкому Венику не пожелал бы. Хвост у коловершей считался ценным и неприкосновенным. Но жалость жалостью, а сдавать позиции Пушок всё же не собирался:

– Какая там «бывшая»! Лапшу нам на уши вешаешь, а сам, небось, для неё и уволок счастливый талисман. Тьфу на тебя, фамилиар! – последнее слово он выплюнул так, будто бы в нём было что-то обидное.

– Пушок, мне кажется, ты неправ, – Ночка тронула его мягкой лапкой за плечо. – Если бы Вениамину было куда лететь, с чего бы ему тогда проситься в нашу стаю?

– А он просился? – брови Пушка в удивлении поползли вверх.

– Да. И Дымок его принял. Теперь он один из нас. Тоже дикий коловерша из Дивнозёрья.

Ну и дела! Эту новость следовало заесть и переварить. Чем дальше, тем меньше Пушку нравилась вся эта история. Выходило, что теперь за несносного Веника в случае чего вступится вся стая. В этом плане у Дымка было строго: один за всех и все за одного.

– Но он же... лысый, – мявкнул Пушок, не подумав, и тут же прикусил язык.

Ох... да за такие слова его самого следовало бы раскрутить за хвост и об стенку шмякнуть! Сколько раз Тайка говорила: не суди по одежке. Ну, то есть в данном случае – по шкурке.

И прежде, чем Ночка, Дымок или кто-то ещё успел возмутиться, Пушок затараторил:

– Простите, я не это имел в виду. Все мы – коловерши, конечно. А коловерша – это звучит гордо!

– Так-то лучше! – Дымок похлопал его по плечу так, что то аж заныло. – Однако жулика мы не нашли. А не мог этот твой пятак куда-нибудь просто закатиться?

Пушок покачал головой:

– Нет, я оборванный шнурок нашёл. Знаешь, такой, будто бы надкушенный...

– А ну открой пасть! – скомандовал Дымок Венику.

Лысый коловерша злобно зыркнул на Пушка, но рот всё-таки раскрыл и даже узкий шершавый язык высунул, мол, смотрите все, ничего не прячу, чист перед законом.

– Молодец, шо не брешешь. Брешут только псины позорные! – на этот раз Венику досталась сомнительная честь, охнув, присесть от дружеских похлопываний бугая Дымка.

– Но кто же тогда украл пятак? – от обиды у Пушка дрогнула нижняя челюсть и зубы дробно застучали друг о друга. Так, ещё не хватало тут захлопать носом на глазах у диких коловершей, которые и так домашних считают неженками. Да ещё и в присутствии Ночки...

– Прошу прощения, – вдруг за его за спиной раздался очень смущённый голос Жорки-обжорки. – Пятак – это ведь такая кругленькая плоская штучка золотистого цвета, да?

– Угу, – Пушок кивнул. – Ты его видел?

– Боюсь, что я его съел, – потупился Жорка, хлопая ресницами.

– Но... зачем?! – тут уже глаза округлились не только у Пушка, но и у Дымка, и у Ночки, и даже у лысого Веника.

Жорка поковырял когтем в земле и, вздохнув, признался:

– Я думал, что это медалька. Шоколадная. Я однажды такую прямо на дороге нашёл, ух и вкусная была... не то что эта.

Вениамин, не удержавшись, приснул. Ночка тоже хихикнула, прикрыв морду крылом, а Дымок, когда оторжался, рассудил так:

– Делать нечего, ребята! Будем ждать.

И коловерши расселись в кружок.

– А бить не будете? – не веря своему счастью, с опаской уточнил толстяк.

– Ещё как будем, – Дымок показал ему внушительный кулак, – если продолжишь без разбору жрать всякую гадость...

Пока они ждали, небо совсем стемнело и в чаще слабо засветились сучья-гнилушки. От соловьиных трелей звенело в ушах, а в воздухе витал тонкий аромат цветущих деревьев, какой бывает только в мае.

Примерно тогда Пушок догадался, что стоило бы попросить прощения за весь этот переполюх и вдобавок извиниться перед ни в чём не повинным Веником за выбитый зуб.

Лысый коловерша оказался великодушен, и они пожали друг другу лапы под одобрительное курлыканье всей стаи.

Ещё позже на небо вышла луна, и тут случилось вообще неслыханное дело: серый бандит и задавака Дымок, надув щёки, невнятно пробурчал:

– Эй, Пушище, ты эт, зла не держи, что мы без спросу к тебе ввалились и погром устроили. Ну, не подумали чёт. Бывает.

И Пушку очень польстило это обращение. Потому что «Пушище» звучало солидно. Даже солиднее, чем «братан».

Где-то вдалеке – возможно, над Михайловкой – вспыхивали и гасли зарницы майских гроз. А он сидел на поваленном сосновом бревне, смотрел на звёзды и думал: как здорово, что им всё-всё удалось прояснить. Друзья помирились и не стали врагами, счастливый пятак скоро вернётся на своё место, и Тайка ничего не узнает, а Веник нашёл своё место в стае диких коловершей и больше не хочет напрашиваться в фамилиары к чужой ведьме. Ради этого, пожалуй, стоило лишиться пары перьев (тем более, они всё равно были слипшимися от малинового варенья, так что не очень-то их и жалко).

Когда на востоке вновь начало светлеть, Ночка положила ему голову на плечо, и Пушок, улыбаясь до ушей, словно чеширский кот из его любимой книжки, обнял подругу мягким крылом и промурлыкал ей на ухо:

– Давай в следующий раз посмотрим мелодраму, как ты и хотела. Есть такой классный фильм «Титаник». Я уверен, тебе понравится!

Лето

Чужак в Дивнозёрье

В последнее время у Тайки всё шло наперекосяк: пироги нормально не пропекались, в школе ни за что двойку схватила, а вот сегодня, как назло, ещё и зуб разболелся. Какая-то прямо полоса невезения. Она даже подумала было, не сглазил ли её кто, но нет – зуб ныл по вполне естественным причинам.

– Запишись к врачу, – уже в который раз повторял Пушок, но Тайка отмахивалась:

– Да ладно, может, ещё само пройдёт?

Коловерша возмущённо цокнул языком.

– Тая, ну что ты прямо как маленькая, стоматологов боишься?

Тайка показала ему язык и, охнув, схватилась за распухшую щёку.

Вообще-то Пушок был прав. Стыдно признаться, но она и впрямь боялась зубных врачей, а не пауков или змей, как её школьные подружки.

Коловерша лапкой подтолкнул к ней телефон и скомандовал:

– Давай, звони уже.

– Не хочу! Не буду!

Нежданное спасение пришло в виде соседки бабы Зои. Та взбежала на крыльцо и, даже не постучавшись, с порога запричитала:

– Ох, Таюша, беда-беда! Что деется-то! – её морщинистые руки тряслись, а нижняя челюсть и вовсе ходила ходуном.

Тайка подскочила, как ошпаренная, усадила бабу Зою в кресло, подала ей стакан воды. Та выпила пару глотков и зашептала:

– Пошла я, значит, к умывальнику, глянула в зеркало – ба, а оттуда моя сестра-близняшка Марья мне подмигивает, будто сказать чего-то хочет, – бабкины зубы громко клацнули друг о друга. – Только вот она уже семь лет как покойница, в могилке лежит. Я с перепугу по зеркалу хрясь – оно вдребезги, ещё и умывальник опрокинулся, лужа натекла, я поскользнулась, едва не шлёпнулась. Гляжу, а из лужи тоже Марья смотрит и будто бы сказать мне что-то хочет... Скажи, ведьма, она ведь пришла, чтобы на тот свет меня забрать?

– Рановато вам ещё с жизнью прощаться, баб Зой, – Тайка решительно трянула косами. – Вот, возьмите лучше оберег от нежити. А я пойду разберусь, почему это у нас покойники среди бела дня шастают. Вообще-то, им это не свойственно...

Тайка сдержала слово и после обеда сходила на деревенское кладбище, но могилка бабы Марьи стояла нетронутой – было непохоже, что в округе обитает беспокойный дух или призрак. Может, бабе Зое померещилось?

Тайка, сама не заметив, произнесла это вслух, и Пушок (как обычно, не согласившийся отпустить её одну), выдохнув с облегчением, закивал:

– Да-да, я тоже так подумал. Уф-ф... тогда домой?

На обратном пути им встретился дед Фёдор – вы не поверите, – тоже бледный и трясущийся от страха.

– Т-т-там... это... оно... – он неопределённо махнул рукой куда-то за спину, и Тайка в сердцах воскликнула:

– Да что же за поветрие сегодня такое, а? А у тебя что случилось, деда? Тоже призрак?

Старик опасливо заозирался по сторонам:

– Призрак это или нет – не ведаю, но я только что за гаражами двойника своего встретил. Он мне руками махал и словно что-то сказать хотел. Ох, говорят, плохая это примета. Наверное, помру скоро...

– Ну брось, дед! Ты у нас ещё огурцом! Может, там просто какой-то чужой мужик был, а тебе сослепу показалось?

– Ничего не показалось, – зашептал старик, трясая бородой. – Ежели то мужик чужой, почему тогда на ём моя телогрейка? И штаны? А?

– Да, может, он их в том же магазине купил? – Тайка пожала плечами и глянула на Пушка, но тот, с сомнением покачав головой, ляпнул:

– Слыхал я, в заморских краях есть такие тварюки, которые могут лица менять. Но у нас в Дивнозёрье таких отродясь не водилось.

Ох, спасибо, утешил, называется!

– Мы с этим разберёмся, – пообещала Тайка вот уже второй раз за день.

Но, по правде говоря, она не знала, с какой стороны подступиться к делу. Таинственные двойники, зеркальные близнецы, заморские перевёртыши – чертовщина какая-то! Нет бы обычный призрак! Вдобавок ещё и проклятый зуб ныл, не переставая. И как тут прикажете сосредоточиться?

– Пушочек, давай забежим к колодцу. Я хоть холодненьким рот прополощу, может, полегче станет, – она тронула больной зуб языком: похоже, рядом уже начала воспаляться десна.

– Так сильно болит? – коловёрша сочувственно пошевелил усами. – А ты таблетку выпила?

– Уже две даже. Не помогло. Ладно, попробуем отвлечься на дело... Итак, нам известно, что дед Фёдор и баба Зоя видели своих двойников и это точно была не покойная баба Марья. К тому же у деда Фёдора нет никаких братьев. М-да... Слушай, а для чего вообще те тварюки заморские меняют лица?

– О-о-о, тебе наверняка не понравится, – Пушок сделал страшные глаза. – На самом деле, у них нет своего лица, но им завидно, что у других оно есть, поэтому они воруют чужие. Но кожа быстро сморщивается, так что вскоре им приходится искать новое. Этих тварей, кстати, так и зовут – Безликие.

– Бр-р-р, – Тайка поёжилась. – Надеюсь, к нам тут никакой неприкаянный Безликий не забежал.

– Дык далековато ему бежать из самой Японии, – ответил Пушок с нервным смешком. – А у нас тут глухомань – ни моря, ни аэропорта. К тому же наш Безликий пока ничего плохого не сделал, только напугал всех до жутиков.

– Ну, может, просто ещё не успел...

Так, слово за слово, они вышли к колодцу. Там, возле сруба, Тайка увидела девочку, которая показалась ей смутно знакомой: такая тощая, чернявая, с двумя косицами... хм, кого же она ей напоминала? Но со спины разве поймёшь...

– Сматываемся! – резко выдохнул Пушок прямо ей в ухо.

– Но почему?

– П-потому что тут ты стоишь, и там тоже т-ты... – Пушок от волнения начал заикаться. – Б-бежи-и-им!

Но было уже поздно: та, другая Тайка обернулась.

Безликий, улыбаясь, шагнул навстречу. Пушок юркнул в придорожные кусты и заорал оттуда:

– Беги! Или он украдёт твоё лицо!!!

А Тайка словно оцепенела. Сердце ухнуло в пятки, она не могла и пальцем пошевелить. Ох, кажется, безликие монстры были даже страшнее стоматологов...

– Чур меня, чур! – она сложила пальцы одной руки в охранном жесте, а другой схватилась за оберег.

Глаза двойника загорелись хищным блеском, как у кошки. По Тайкиной спине пробежал предательский холодок, но она собралась с силами и гаркнула во весь голос:

– Хочешь забрать моё лицо? Накося выкуси! Чтoб тебе провалиться, окаянный! Пусть у тебя зубы всю жизнь болят!

Существо отшатнулось и попятилось, а затем вдруг – плюх! – на глазах у изумлённых Тайки и Пушка свалилось в колодец спиной назад.

– Так тебе! Похлебай водички! – коловерща затанцевал в кустах.

Тайка подошла и с опаской заглянула внутрь колодца, но там, на глубине, было пусто – только маленький кусочек неба отражался в тёмной воде.

– Куда оно делось? – Тайка в задумчивости потёрла щёку и, прислушавшись к своим ощущениям, вдруг ахнула:

– Смотри, а зуб-то сам прошёл. Я же говорила!

* * *

Они думали, что Безликий ещё вернётся, но шли дни – всё было тихо и мирно. Где-то спустя неделю Тайка перестала шарахаться от каждой тени и вскакивать по ночам в холодном поту. Что это было, они так и не узнали, потому что последняя ниточка, ведущая к разгадке, похоже, осталась лежать на дне колодца...

В выходные Тайка взялась за давно откладываемую уборку: отдраила до блеска полы, сняла с подоконников паутину, постирала старые занавески, вытерла пыль и заодно решила вымыть любимое бабушкино зеркало. Оно, конечно, было мутноватым и немного искажало отражение (не так, как в комнате смеха в городском парке аттракционов, но всё же...), но Тайке всё равно нравилось вспоминать, как бабушка смотрелась в него, примеряя новую юбку или кофточку. Эх, как же она соскучилась!

Тайка плеснула водой на зеркальную поверхность, взяла чистую фланелевую тряпочку и занесла руку, когда отражение вдруг ей подмигнуло. Она помотала головой и на всякий случай замерла. Отражение тоже не шевелилось.

– Ф-фу, показалось. Должно быть, это из-за воды...

– Что там? – из-под подушки вылез сонный и взъерошенный Пушок.

– Да так, ерунда, – Тайка снова повернулась к зеркалу... и обомлела – отражение махало ей руками.

– Алло? Это ви есть ведьма? Ви меня чут-чут слышать?

Тряпка выпала из рук. Пушок, охнув, нырнул под одеяло, и Тайка заслонила его собой.

– Вы вообще кто? – она старалась не подавать виду, но коленки у неё тряслись. Ей вспомнилась зачитанная в детстве до дыр «Алиса в Зазеркалье». Тайка до сих пор любила её перечитывать, но вот честное слово – никогда не мечтала стать Алисой...

– Я есть допдельгангер. По-ваш это как? Зеркальн двойник? Я заблудиться. Застрять.

Пушок высунулся из-под одеяла и простонал:

– Тая, на каком языке оно говорит?

– На нашем, просто акцент сильный, – шепнула Тайка и слегка натянуто улыбнулась. – Простите, а вы из Зазеркалья?

– Нихт, я Германия турист, – отражение нахмурилось: похоже, подбирать слова ему было нелегко. – Я упасть вода.

Тайка, не сдержавшись, хрюкнула: нервный смех неудержимо рвался наружу. Знаете такое глупое состояние, когда тебе одновременно и смешно, и страшно?..

– Ви мочь снять проклятие, ведьма? Ви снять, я уходить.

– Не понимаю, о чём речь, – она вытерла бисеринки пота, выступившие на лбу, а доппельгангер, скривившись, указал пальцем на свою щеку:

– Зуб капут. Ай, болеть! – потом развел руками и снова повторил: – Весь напроць тут застрять.

После долгих расспросов и объяснений жестами Тайке удалось выяснить, что их гость довольно юн («всего два сотня годиков стукнуть»), всегда выглядит так же, как тот, кто на него смотрит, а путешествует, чтобы на мир посмотреть и себя показать. Перемещался по зеркалам, жил в портретах, писал путевые заметки, общался с разными людьми, вдохновлял писателей и поэтов эпохи романтизма («я как муз, только без арф»), – даже умудрился попасть на страницы нескольких романов и в целом был доволен жизнью, пока однажды ему не приспичило отправиться в легендарное Дивнозёрье, о котором он был немало наслышан («Дивьи люди у вас злой, навий людь ещё злей, зима савсем злой, зато фройлян красивый!»). Тут-то ему и повстречалась взбалмошная баба Зоя.

– Старуха зеркаль бах в оскольки! А в вода я тоже отражаться, ну и всё – застрять. Из лужа хотеть бабка вразумить. Не понимайт! Вижу – дед. Думать, он понимайт? Нихт! У колодец встретить ведьма. Думаль, ти мне помогайт, а ты проклять, и я упасть!

– Простите, это вышло случайно, – смутилась Тайка. – Думала, что вы Безликий и хотите украсть моё лицо. А у меня ещё и зуб болел, как назло! Эх, как же вам теперь помочь?..

Доппельгангер развёл руками, мол, ты тут ведьма, тебе виднее.

– Вода высыхать. Я умирать. Не мочь долго в вода.

– Ох, ладно, попробуем, – Тайка прокашлялась. – Я признаю, что была не права, и отменяю своё проклятие!

Ничего не изменилось, лишь по зеркалу пробежала лёгкая рябь и отражение заметно потускнело.

– Исчезает, – ахнул Пушок. – Тая, а ну-ка плесни ещё воды!

Она так и сделала. На время это помогло: доппельгангер выглядел напуганным, но, по крайней мере, пропасть больше не пытался. А Тайку вдруг осенило: наклонившись, она коснулась влажной зеркальной поверхности лбом и ладонями (отражение повторило её жест), а нужные слова пришли на ум сами. Всё-таки потомственная ведьма – это вам не фунт изюму!

«Плещется вода через край – боль мою обратно отдай, в край зеркальный снова вернись, пусть течёт по-прежнему жизнь».

В тот же миг она почувствовала, как капли теплеют и испаряются под её пальцами. Колдовство, которое она придумала, сработало! Доппельгангер помахал ей из зеркала рукой и счастливо улыбнулся:

– Я есть снова на свой мест! Ведьма друг! Я прислать для ти гостинец во знак благодарность.

Тайка хотела улыбнуться в ответ, но, охнув, скривилась: зубная боль прострелила челюсть с новой силой. Она успела только кивнуть прежде, чем доппельгангер исчез. Наверное, отправился дальше бродить по зеркалам, чтобы вдохновлять писателей и поэтов...

Тайка очень надеялась, что он не будет вспоминать Дивнозёрье дурным словом.

* * *

– Вот что мне стоило сначала выслушать его, а не сразу проклятиями кидаться? – она громко шмыгнула носом. – Ни за что ни про что обидела хорошего парня... Но я ни о чём другом и думать не могла – только об этом ужасном Безликом. К местной-то нечисти я давно привычная, а заморской почему-то побаиваюсь. Но, кажется, теперь поняла, что они ничем не отличаются от нас. Эх, вот бы нам как-нибудь устроить в Дивнозёрье международный слёт нечисти мира по обмену премудростями! Глядишь, ещё подружались бы...

– А хорошая идея! – Пушок наконец-то осмелился выбраться из-под одеяла. – Только не слёт, а симпозиум. Так звучит солиднее.

– Хорошо, пусть будет симпозиум.

Коловерша ткнул макушкой в её ладонь и довольно заурчал:

– Ты, главное, не кори себя, Тая! Испытывать страх перед неизвестностью – это нормально. Я вот тоже много чего боюсь. Уф, хорошо, что это оказался не Безликий! Зато после всего случившегося нам теперь никакой стоматолог не страшен, правда?

– Ага, – Тайка кивнула. – Вот пойду и прямо сейчас запишусь! Чего тянуть?

Семена раздора

Утро началось с того, что Никифор с Пушком опять поцапались из-за сущей ерунды. Домовой только что прибрался, а бестолковый коловерша ввалился в дом и наследил всюду грязными лапами, а когда Никифор кинул в него полотенцем, смертельно обиделся. Мол, его тут в грош не ставят, шпыняют вечно, а он, между прочим, дом охранял всю ночь, замаялся. Домовой же ответил, что видел, как тот охранял: дрых опять на яблоне, аж листья от храпа тряслись. В общем, слово за слово – и наговорили друг другу лишнего. Тайка пыталась было вмешаться, да куда там! Эти двое и слушать её не стали. Хотя не подрались, и на том спасибо...

Теперь каждый сидел и дулся в своём углу, а Тайка заново мыла полы и вздыхала.

Конечно, именно в этот момент приспичило появиться гостям: за окном вдруг стукнула калитка, послышались торопливые шаги, а затем и осторожный стук в дверь.

Тайка разогнулась, вытерла вспотевший лоб и бросила в ведро мокрую тряпку.

– Ну кто там? Заходите!

Она ожидала увидеть Марьяну или деда Фёдора (ну а кто ещё к ней ходит чаще всех?), но, к её удивлению, на пороге возник Лёха – гитарист, заводила и предводитель окрестных хулиганов, головная боль всех деятельных бабулек и участкового дяди Семёна.

– Привет, – он мялся на пороге, не решаясь ступить на только что вымытый пол.

– Ой, это ты? – Тайка вытерла мокрые руки о фартук. – Какими судьбами?

Не то чтобы они с Лёхой часто общались. Пару раз он звал её прийти на лавочки, где каждый вечер собиралась местная молодёжь, но Тайка не очень-то любила шумные сборища, поэтому чаще всего отказывалась под каким-нибудь благовидным предлогом. Вскоре Лёха и сам отстал. Да и приглашал-то, небось, больше из вежливости.

– Ты только не обижайся... – протянул он, взъерошив пятернёй русский ёжик на макушке. – Люди в деревне болтают, что ты – ведьма. Ты только не подумай, что я верю во всякую потустороннюю чепуху, но... в общем, совет мне нужен.

– Да ты проходи, садись, только кроссовкиними, ладно? Может, чайку?

От чая Лёха отказался. Даже странно было видеть грозу Дивнозёрья в таком смущении. Он опустился на краешек табурета, по привычке закинув ногу на ногу, и понизил голос до шёпота, как будто бы кто-то чужой мог их подслушать:

– Слышь, а бывает так, что дома заводится какая-нибудь дрянь? Ну, типа барабашки.

– Всякое бывает, – невозмутимо ответила Тайка, усаживаясь напротив с кружкой кофе. – А что?

– Да батя с мамой и прежде собачились, – Лёха шумно вздохнул, – а тут прям оба как с цепи сорвались. Ругаются с пеной у рта, на Таньку малую орут. Вчера по заднице ей надавали ни за что. Я вступился – так и мне досталось на орехи.

Он потрогал покрасневшее левое ухо, которое, действительно, выглядело немного больше правого.

– А почему ты решил, что тут дело нечисто? – Тайка пожала плечами. – Сам же говоришь, что дружно они не жили. Да и я слыхала, как твой папка на домашних орёт. Голос-то у него зычный, на пол-улицы разносится.

– Да не, он просто громогласный. Поорёт и перестанет. Я-то думал, что за столько лет уже привык, а вчера вдруг таким гневом меня накрыло... думал, убью его прямо там. Еле сдержался.

А вот это и впрямь было уже подозрительно. Лёха, может, и бедовый парень был, но вообще-то не злой. Помнится, когда Тайка ещё в школу не ходила, показывал ей слепых котят, которых сам из пипетки молоком выкармливал. И за местную малышню всегда вступался, если кто обижал.

– Я думал из дома свалить от греха подальше, переждать. Но, боюсь, у них и без меня скоро до смертоубийства дойдёт, – он глянул на Тайку с такой надеждой, что та не смогла отказать.

– Ладно, посмотрю я, что там у вас завелось. Может, и правда барабашка. Но придётся тебе меня в гости позвать. И лучше бы тайком, чтобы родители не видели.

– Не выйдет, – Лёха вмиг погрузился. – У бати сейчас отпуск, дома сидит. А мать – так вообще на больничном, у неё артрит, ноги... Могу тебя разве что пригласить к нам на ужин. Ну, как свою девчонку. Типа познакомиться.

– С ума сошёл? – щёки у Тайки вспыхнули.

– А чё такова? Это же понарошку будет. Потом скажем, мол, прошла любовь, завяли помидоры.

Идеи получше всё равно не было, так что пришлось Тайке скрепя сердце согласиться.

– Я приду, – буркнула она. – Но если вздумаешь руки распускать, прокляну, понял?

Кажется, Лёха и впрямь испугался, потому что попрощался тихо и как-то скомканно, поспешив побыстрее улизнуть. А может, и впрямь торопился домой, кто его знает?

К вечеру Тайка неохотно вылезла из любимых джинсов и надела платье, которое ей прислала мама из города. Если уж она собиралась предстать перед родителями «жениха», то нужно было соблюсти хотя бы видимость приличий. Впрочем, она и не думала обольщаться на свой счёт: такая невеста вряд ли кому понравится. Не зря же ведьмой кличут! Раньше бабу Таисью боялись, а теперь вот Тайку сторонятся...

Пушок, конечно же, увязался следом. Вот же настырный шельмец: и захочешь – не избавишься. С Никифором они, к слову, так и не помирились. Не помогли даже пирожки, которые Тайка состряпала к обеду. Что ж, теперь эти же пирожки пригодились в качестве гостинца: негоже на смотрины – пускай даже и не настоящие – с пустыми руками идти.

Улыбающийся Лёха встретил её у калитки в чистой футболке и с зализанными назад волосами – типа тоже принарядился.

– Слушай, они там вообще обалдели! Мать салатов накрошила, запеканку картофельную стряпает. А баты я еле отговорил шашлыки затевать.

– Так они помирились, что ли? – Тайка поджала губы. Ей очень не хотелось думать, что она пришла зря.

– Не-а, – мотнул головой Лёха. – Только пуще разругались, но при тебе обещали вести себя мирно. Мол, неча сор из избы выносить. А то «что Таюшка о нас подумает»...

– Хм... а я-то думала, меня в деревне не любят, – от того, что к её приходу готовились, Тайке стало совсем неудобно. Пусть всё это и было ради благой цели, но, как ни крути, они собирались соврать Лёхиным родителям.

– Тебя, может, и не любят. А вот домик твой и участок всем очень даже по нраву. Мамаша-то твоя из города в деревню ни за что не вернётся. А значит, бабу тебе наследство отписала. Так что по местным меркам ты теперь, как ни крути, а завидная невеста получаешься – с приданым, – хохотнул Лёха.

От этих слов Тайке стало совсем противно. Ну почему люди такие корыстные?

– Ладно, всё равно это не по-настоящему...

Она решительно отворила калитку и вошла в сад. Радушный хозяин шагнул следом за гостьей. Он не увидел, как невидимый Пушок развернулся на Тайкином плече и – бэ-э-э! – показав Лёхе язык, прокурлыкал:

– Не слушай, Тая. Ерунду он мелет. Главное, что мы тебя любим...

* * *

Стоило Тайке переступить порог, как она сразу поняла: Лёха опасался не зря – в доме определённо было нечисто. Во-первых, она не почувствовала присутствия домового, без которого не обходилась ни одна деревенская изба. А тут даже молоко в блюдечке, стоящем на подоконнике, успело свернуться и высохнуть. Во-вторых, с потолка то тут, то там свисали лозы какого-то странного растения, листья которого были опутаны серой паутиной.

– Что это? – шёпотом спросила Тайка у Пушка.

Коловерша защекотал ей усами ухо:

– Не пьялся ты так, за чокнутую примут. Эти кусты только нечисти да ведьмам видны, а для обычных людей их вроде как не существует.

– Да я уж поняла. Кто бы стал держать у себя дома такой рассадник паутины и пылищи, фу!

– Это разлад-травя. Растёт в тех местах, где люди вечно ссорятся. Или, наоборот, – все ссорятся там, где она растёт. Тут, знаешь ли, как в загадке про курицу и яйцо: не поймёшь, что раньше появилось.

Тайка украдкой подёрнула зелёную плеть: ух, и прочная, зараза! И захочешь – не выдернешь, даже листочек не отщипнёшь. Она хотела спросить, не знает ли Пушок, как выполоть эту разлад-траву, но тут её как раз встретили с распростёртыми объятиями Лёхины родители. Пришлось знакомиться, расшаркиваться и садиться за стол.

Жили соседи небогато, но и не бедно. Обычно, в общем-то, жили. Если бы не эти покрытые паутиной заросли, их дом ничем не отличался бы от десятков других домов в Дивнозёрье: кружевные салфетки, белый тюль на окнах, хрустальные бокалы в серванте и разошедшие скрипучие половицы. Лёхина мама – Марина Андреевна – суежилась так, будто судьба её сына зависела от того, понравится ли Тайке запеканка. Отец, которого в деревне все называли просто Сансанычем, сменил привычную тельняшку на хорошо выглаженную рубашку – спасибо хоть галстук не надел, но и так выходило слишком уж официально.

– А мы и не знали, что у Алёшеньки девушка есть, – улыбнулась Марина Андреевна. – Проходи, Таюша, садись. Сейчас будем кушать.

– Ты, может, не знала, а я догадывался, – Саныч хмыкнул в усы.

– Это ты сейчас так говоришь, а сам удивился не меньше меня.

– Эй, мать, хочешь сказать, что я вру?!

– Ну вот, началось... – пробормотал Лёха, закатив глаза.

– Кстати, а сестрёнка твоя где? – Тайка огляделась.

– Да я её к подружкам отправил. Подумал, чего ей здесь крутиться. Не ровен час, под горячую руку попадёт...

Они обменялись всего парой фраз, а Лёхины родители, похоже, уже успели забыть, что к ним пришли гости. Скандал набирал обороты:

– Двадцать пять лет на тебя, ирода, потратила. Если тогда бы убила, уже бы на свободу вышла, – плаксивым голосом причитала Марина Андреевна.

– Эх, надо было мне на Варьке жениться, – Саныч принялся набивать трубку табаком. – Она хоть и дура была, но не пилила меня почём зря.

– Саша, я же просила не курить в доме!

– Мой дом, хочу – и курю!

Тайка подняла взгляд к полочке и ахнула: разлад-травя на глазах становилась всё сочнее и мясистее, на стеблях отрастали новые листья, которые тут же покрывались серым – будто пепельным – налётом.

– Ты мне всю жизнь испортил, гад! – Марина Андреевна приготовилась было заплакать, но муж осадил её:

– Не мели ерунды, глупая баба! И не реви! А то щас как в ухо дам!

– Ты не подумай чего такого, – шёпотом ввернул Лёха. – Они хоть и ругались прежде, но отец маму никогда не бил.

В этот момент лицо Саныча перекосило злобой, и он замахнулся на жену. Тайка от неожиданности взвизгнула, Лёха ринулся разнимать родителей, а Пушок вдруг заорал:

– Эврика!!!

– Что это значит? – Тайка повернулась к нему.

– Не знаю. Один мужик так в кино кричал, когда ему в голову приходила хорошая идея, – коловерша немного смутился, но его круглые жёлтые глазки все равно горели задором.

– Что за идея? Выкладывай! А то, не ровен час, они и правда друг дружку прибьют.

– Срочно хвали их! – Пушок затанцевал у неё на плече, перебирая когтями. – Говори всё, что угодно, только чтобы приятное.

– Э-э-э... – Тайка озадаченно потёрла переносицу. – Дядь Саш, какая у вас рубашка красивая! Тёть Марин, у вас так чудесно волосы лежат... А чем вы их укладываете? Лёха, а сыграешь нам на гитаре? Ты ж такой крутой музыкант!

Как ни странно, комплименты сработали. Трое задир замерли и принялись озираться по сторонам, словно пытаясь вспомнить, чем они только что занимались. А несколько листков разлад-травы пожелтели, съежились и отпали от стебля.

– Не останавливайся! – прошипел Пушок. – Сейчас она вылезет!

– Кто? – Тайка, признаться, ничего не понимала, но хвалить растерянных хозяев дома продолжила. За вкусную запеканку, за узорные доски для разделывания (Лёха с детства любил выжигать по дереву), за стулья и стол, которые Сансаныч сделал своими руками... ведь, как говорится, был бы человек, а за что похвалить его – найдётся.

– А вот и она, смотри! Кикимора-раздорка! – Пушок спрыгнул с её плеча на пол.

Тайка и ахнуть не успела, а коловерша уже сгрёб когтями нечто живое и верещащее, похожее на поросшую мхом корягу с чёрными глазами-бусинками. Похоже, разлад-трава росла прямо из тщедушного тельца кикиморы – мясистый стебель начинался где-то между лопаток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.